

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЯЗЫК И СЕМИОТИКА ТЕЛА

2 | Естественный язык и язык жестов в коммуникативной деятельности человека

Научная библиотека

Коллектив авторов

**Язык и семиотика тела. Том
2. Естественный язык и язык
жестов в коммуникативной
деятельности человека**

«НЛО»

2020

Коллектив авторов

Язык и семиотика тела. Том 2. Естественный язык и язык жестов в коммуникативной деятельности человека / Коллектив авторов — «НЛО», 2020 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-44-481391-1

Улыбка, жест, поза, взгляд, вздох, прикосновение подчас могут сообщить о человеке гораздо больше, чем его речь или письмо. Авторы этой фундаментальной монографии рассматривают телесность как неотъемлемую часть культуры, а невербальную семиотику — как важнейшую составляющую не только языка, но и социальной жизни. Каким образом язык и тело влияют друг на друга? Какие культурные интерпретации мы придаем этим взаимоотношениям? Какова роль невербальной коммуникации в возникновении культурных различий? Действительно ли недооценка языка тела порой может стать не меньшей преградой на пути к взаимопониманию, чем незнание иностранных языков? Монография написана коллективом ведущих специалистов в области невербальной семиотики во главе с доктором филологических наук, заслуженным профессором РГГУ Г. Крейдлиным.

ISBN 978-5-44-481391-1

© Коллектив авторов, 2020

© НЛО, 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА V	7
§1. Русские иконические жесты	7
§2. Лекторские жесты и их типы	19
§3. Фразеологические соматизмы	39
§4. Библейские соматизмы	59
§5. Некоторые замечания о словообразовании имен соматических объектов	65
§6. Невербальные ритуалы	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Язык и семиотика тела Коллективная монография в 2 томах Том 2 Естественный язык и язык жестов в коммуникативной деятельности человека

ВВЕДЕНИЕ

Плодотворность расшифровки социальных и культурных телесных знаковых кодов в их соотношении с естественным языком сегодня не вызывает сомнения. Дискурсивные механизмы взаимодействия различных знаковых кодов и коммуникативная практика людей тесно связаны с современными реалиями и потребностями общения. Области, в которых существуют и проявляют себя телесные знаки, в значительной степени являются социально, национально и культурно обусловленными. К таким областям, помимо бытовой коммуникации, относятся преподавательская и научная деятельность, искусство, медицина, ритуальная коммуникация, этикет и еще очень многое другое. В настоящей книге (том 2, глава V) речь пойдет об особенностях взаимодействия телесных и языковых знаков в указанных областях.

В первой книге (том 1, главы I–IV), озаглавленной «Тело и телесность в естественном языке и языке жестов», мы уделили особое внимание основным проблемам представления тела в этих знаковых кодах. Были введены необходимые понятийный и терминологический аппараты, в частности, подробно проанализированы важнейшие составляющие семиотической концептуализации тела и телесности. На основе этого понятия был разработан признаковый подход, предназначенный для описания телесных объектов и их имен в разных языках и культурах. Там же рассмотрены некоторые национальные семиотические концептуализации тела и выявлены их общие и отличительные черты.

Содержание настоящего тома составляет большая глава V, разбитая на пятнадцать параграфов. В ней показана возможность применения признакового подхода к самым разным областям человеческой деятельности.

В §1 речь идет об инструментальной деятельности человека и особой разновидности жестов – иконических жестах, – активно участвующих в этой деятельности.

§2 посвящен преподавательской деятельности и важной роли в ней лекторских (дидактических) жестов.

Основное содержание следующих двух разделов составляют два рода соматизмов, то есть выражений, содержащих имена жестов или имена признаков жестов, – фразеологические соматизмы, под которыми имеются в виду фразеологические обороты, построенные на базе жестов (§3), и библейские соматизмы, то есть встречающиеся в текстах Библии свободные сочетания и фразеологические обороты с именами телесных объектов или их признаков (§4).

Словообразовательным связям некоторых языковых соматизмов и роли жестов в экспликации этих связей посвящен §5.

В §6–9 обсуждаются соотношения языковых и телесных знаков с отдельными коммуникативными и прагматическими категориями, областями и ситуациями, такими как ритуал (§6), межличностный конфликт (§7), этикет (§8), категориями, относящимися к сфере социального поведения (§9).

§10 посвящен жестовой диалектологии, а §11 – жестовой диахронии.

В §12 и §13 речь идет о взаимодействии речевых и телесных знаков в сценической деятельности (устная форма коммуникации) и в литературном тексте (письменная форма коммуникации).

Предметом §14 является описание некоторых особенностей коммуникации врача с пациентом и определение роли жестовых единиц в обнаружении и диагностике телесных патологий.

В последнем, §15 представлена компьютерная база данных «Тело и телесность в языке и культуре».

В Заключении резюмируется проведенное исследование различных аспектов внутри- и межкультурной мультимодальной коммуникации. Намечаются направления наиболее перспективных исследований в этой области.

ГЛАВА V

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИЗНАКОВОГО ПОДХОДА К РАЗНЫМ СФЕРАМ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

§1. Русские иконические жесты

Сегодня лингвистами, социологами, психологами и специалистами в области невербальной семиотики проводятся полевые и лабораторные исследования, цель которых – выявить закономерности, обуславливающие взаимодействие в диалоге вербального и невербальных знаковых кодов. На передний план выходит роль отдельных параметров и сочетаний параметров, определяющих коммуникативную деятельность человека, а также выявление тех областей, которые жесты обслуживают вместе с речью. Многие исследователи, изучающие языки тела и мультимодальную коммуникацию, видят диалог в самых неожиданных ситуациях, в частности даже там, где, казалось бы, о диалоге и говорить сложно. Дело в том, что люди разных культур и разных индивидуальных особенностей жестикулируют, даже не видя партнера, как бы представляя его. Японцы, разговаривая по телефону, часто кланяются (об этом рассказала Г. Е. Крейдлину известная американская лингвистка О. Йокояма). Русские юношеские студенты, опять-таки в беседах по телефону с девушками, которые им нравятся, находясь одни у телефона, поправляют прическу, одежду, то есть совершают так называемые **grooming gestures** – жесты прихорашивания, они улыбаются и исполняют многие другие жесты, в норме диалогические. Именно такого рода невербальное поведение было снято в 2004 году скрытой камерой студентами из РГГУ – участниками семинара по телесности и языку тела, проводимого под руководством Г. Е. Крейдлина.

Еще в 1961 году в работе (Mahl 1961) были опубликованы результаты проведенного этим исследователем мониторинга жестовой активности людей, проявляемой в двух типах интервью, и анализа их жестовой деятельности. В одной из бесед интервьюер и интервьюируемый видели, а в другой не видели друг друга, то есть, как пишет Дж. Маль, «faced and faced away each other». Когда люди не видели один другого, число коммуникативных жестов заметно уменьшалось, а число некомуникативных, или, как называет их автор, аутичных, или аутистических (autistic), жестов возрастало. Исследователь представил полученные результаты, используя термины **самостимуляция** и **собственная ответная реакция**, при этом, однако, никаких указаний по поводу того, какие жесты считались коммуникативными, а какие нет, он не привел.

Наблюдения за реальной коммуникацией людей и лабораторные эксперименты, проведенные в разных уголках Земли на большом и разнообразном материале, продемонстрировали не только важную роль, но и высокую, даже бóльшую, чем для словесных, частотность невербальных знаков в низкокинетических и промежуточных культурах (об этих культурах см. т. 1, гл. IV, раздел 3.3). Речь идет о невербальных знаковых комплексах и моделях поведения, которые выражают смыслы ‘доминанция’ и ‘подчиненность’ в культурах типа скандинавской¹, голландской² и русской. Кроме того, в серии работ было показано, что появление в устных диалогических текстах невербальных единиц с таким значением мотивировано гораздо более сложными факторами, чем простые культурные предписания людям вести себя в дан-

¹ О телесном поведении финнов см. раздел 3.3, гл. IV т. 1.

² См. о некоторых невербальных особенностях культуры в статье (Melinger, Levelt 2004).

ной ситуации так-то и так-то. Гендерные культурные и этикетные наставления и рекомендации являются всего лишь одними из многих равноценных и значимых признаков, описывающих подчиненное или доминантное поведение. В частности, к инверсии культурно и социально обусловленных коммуникативных ролей и к замене вербальных элементов на невербальные могут привести такие признаки, как характер и важность решаемой в актуальном коммуникативном акте задачи, личностные характеристики людей, ведущих между собой диалог, жанр и общая тональность беседы и др.

Многие проблемы лингвистики и семиотики были, как известно, поставлены еще в античные времена, однако и сегодня остаются не до конца решенными. Одна из таких проблем фактически была сформулирована Платоном в его диалоге «Кратил» и получила известность в семиотике под именем «проблемы Кратила». А именно, ставится вопрос о том, каким образом мир и его различные фрагменты отображаются в естественном языке. Эту проблему необходимо распространить и на другие знаковые коды, поскольку столь же важно понять, какова невербальная концептуализация мира, то есть как мир преломляется в мозгу человека и отражается в невербальных, прежде всего, в соматических, или телесных, знаковых кодах.

Теоретически на последний вопрос можно предложить два содержательных априорных ответа. Первый состоит в том, что если мы можем говорить о мире, пользуясь каким-то знаковым кодом и не обязательно непосредственно обращаясь к миру, то знаковые коды и реальность в определенной степени должны быть похожи друг на друга. Разумеется, психофизические способности и материально-телесная природа людей накладывают ограничения на концептуализацию мира и обработку знаний о нем, что применительно к телесному коду предполагает наличие рестрикций на свободу выбора жестовых знаков и моделей поведения при разговоре о мире и его фрагментах. Второй ответ заключается в том, что жестовые языки и мир – это абсолютно независимые друг от друга и не похожие одна на другую сущности, вследствие чего языки жестов отражают мир и его фрагменты весьма условно и по-разному причудливо.

Невербальная семиотика готова сегодня утверждать, что существование во всех известных нам языках тела – наряду с символическими и индексальными (по Ч. Пирсу) – жестовых иконических знаков свидетельствует лишь о большей или меньшей степени детерминизма и, если угодно, «иконизации» невербальной концептуализации и знаковой репрезентации мира и его частей.

На протяжении истории невербальные знаки каждой культуры, будь то высоко- или низкокинетическая, проходят долгий и сложный путь от иконических до символических единиц, от выражения конкретных и «простых» значений с помощью иконических форм к выражению сложных абстрактных идей при помощи форм символических. Даже в тех ситуациях устного общения, когда речевые единицы являются преобладающими, доминирующими способами выражения и трансляции смыслов, последние, как правило, оформляются структурно и кодируются не одними только естественно-языковыми средствами, но также знаковыми элементами поз, мимики и знаковыми движениями разных соматических объектов.

Как известно, термин «иконический» применительно к знакам впервые ввел в семиотику Ч. Пирс (Pierce 1931 т. 1). Согласно данному им определению понятия **иконического знака**, или, как он сам называл его, **иконы**, «икона – это знак, который соотносится с обозначаемым объектом только посредством своих собственных характеристик, признаков, которыми знак обладает всегда, вне зависимости от того, существует такой объект в действительности или нет» ('An icon is a sign which refers to the object it denotes merely by virtue of characters of its own, and which it possesses, just the same, whether any such object actually exists or not' (Pierce 1931 т. 1, 247). Далее в той же работе (с. 276) Ч. Пирс пишет, что иконический знак служит для

того, чтобы «представить объект в основном через сходство с ним, каким бы ни был способ существования объекта» ('to represent its object mainly by similarity, no matter what its mode of being').

Иконические жесты в акте коммуникации обычно выступают в функции эмблематических и иллюстративных знаков и отражают природный символический процесс представления мысли. Слово *природный* мы употребляем здесь в том смысле, что иконические жесты обычно репрезентируют физиологически естественные, «натуральные» движения тела, которые не поддаются сколько-нибудь содержательной классификации и в процессе означивания, то есть превращения в знаки или цепочки знаков, не нуждаются в каких-то особых социальных конвенциях.

В связи с иконическими жестами возникают исключительно важные и разнообразные по содержанию вопросы. Вот лишь некоторые из них.

Что из себя вообще представляет телесное отображение действительности и насколько человеческое тело пригодно и свободно для семиотической концептуализации мира? Какие концептуальные программы и когнитивные модели реализует данный иконический жест (или целый класс иконических жестов) и какие смыслы при этом выражаются? Какого рода артефакты и признаки выбирают разные культуры и языки для кодирования смыслов иконами? Какие характеристики объектов и действий легко имитировать, а какие трудно, и сколь велика эффективность узнавания и понимания иконических жестов в диалоге?

Далеко не все эти вопросы даже были поставлены, но все они ожидают своего решения.

1.1. Основные функции и классы иконических жестов

В целом ряде работ, и среди них (De Fornel 1987; Rozik 1998; Streeck 1988; Schegloff 1984), было показано, что невербальные иконы, помимо того, что они выполняют изобразительную, назывную и коммуникативную функции, являются важным средством организации, то есть упорядочения и структурирования, актуального коммуникативного взаимодействия людей. Иконический жест может изображать соотносимое с ним действие и получать интерпретацию как при наличии обязательного вербального контекста, выступая в функции иллюстративного жеста, так и при отсутствии такового, исполняя роль эмблематического жеста.

Начнем с иконических коммуникативных эмблем. Иконический эмблематический жест кодирует аспекты значения и выполняет коммуникативные функции, передавая смысловую информацию многими разными способами. Можно выделить два крупных подкласса жестов по признаку их связи с референтами.

Первый подкласс образуют знаки, у которых связь со своими референтами непосредственная, то есть знаки, которые, так сказать, напрямую отображают мир, – данное явление можно назвать **прямой иконичностью**.

Такова, например, ситуация, когда человек объясняет или поясняет руками объекты: он рисует руками круг, прямоугольник или какую-либо кривую, изображает руками в воздухе рамку картины или разнообразные по характеру движения, например поворот ключа, открывающего входную дверь дома, открывание дверцы автомобиля или форточки. Либо жестикующий передает движение молотка при забивании гвоздя: сжатая в кулак одна рука имитирует движение молотка в направлении к другой, статичной руке, тоже сжатой в кулак и как бы держащей невидимый гвоздь.

Второй подкласс состоит из коммуникативных икон-эмблем, каждая из которых похожа не на свой референт – объект или действие (событие), а на некоторый другой объект, лишь косвенным образом связанный с соответствующим референтом. Речь идет о так называемой **косвенной иконичности**.

Косвенная иконичность чаще всего проявляется в ситуациях, когда референция к предмету или действию осуществляется посредством изобразительной метафоры, то есть когда предмет или действие отображаются не прямо сами по себе, а путем ассоциативной отсылки к другому предмету или событию. Например, это происходит при исполнении жеста, в котором указательный и средний пальцы жестикулирующего располагаются у рта: демонстрируется (имитируется) положение пальцев, которое бывает, в частности, во время курения, или им показывается сама сигарета. Косвенная иконичность проявляется также при реализации жеста, который условно назовем «телефон» (изображается либо предмет, который находится у уха, то есть, по ассоциации, телефонная трубка, либо сам телефонный разговор). Косвенную иконичность можно увидеть и в детском жесте «выстрел», иначе называемом «пистолет у виска». Иконы этого подкласса обозначают также количество объектов при счете, их размер, объем и другие параметры.

Иконические жесты образуют высказывания или участвуют в высказываниях, в которых одни жестовые знаки функционируют как субъекты пропозиции, а другие исполняют роль предикатов. Изображая поведение человека, можно одним жестом указать референт, то есть объект идентификации, скажем, указать на некоего человека головой или пальцем, а другим жестом сообщить о нем что-то, например, выпятив вперед живот, сказать этим, что данный человек толстый. Или, чуть наклонив вниз голову и подставив ладонь одной руки под глазами, изобразить другой рукой стекающие слезы, то есть показать жестом, что человек плачет.

Большинство русских иконических эмблем, участвуя в коммуникации и отображая некую ситуацию, однако, совмещают сразу обе функции – и субъектную, и предикатную. Поднимая над головой вытянутую вертикально вверх руку, жестикулирующий этим движением описывает, как правило, не человека и не высоту вообще, а обозначает некоего конкретного стоящего высокого человека или длинный вертикально стоящий предмет. Точно так же жестикулирующий может изобразить высоту конкретного человека, располагая ладонь поднятой руки параллельно плоскости земли или пола. Имитируя закрытие или открытие форточки, жестикулирующий сообщает этим, либо что сам произведет соответствующее действие (а может быть, уже произвел его), либо он просит сделать это адресата, и т. п.

Среди иконических жестов, причем не только эмблем, но и иллюстраторов, к которым мы постепенно переходим, выделяются знаки, играющие особенно важную роль в социальной коммуникации. К ним относятся, в частности, многие риторические и этикетные жесты. Примером риторических иллюстративных жестов, относящихся к основам ораторской техники, типичной, например, для Франции XVIII века, служат особые символические движения, иконически отображающие отдельные речевые ораторские приемы. См. следующую рекомендацию: «Когда ты говоришь о жестокой вещи или гневно, сожми кулак и потряси рукой. Когда ты говоришь о вещах небесных или божественных, возведи очи и укажи пальцем на небо <...> Когда ты говоришь о святой вещи или набожно, воздешь руки» (М. Баксанделл, цит. по книге (Ямпольский 1994, 30)). Иконический эмблематический жест **кулак Дантона** (физическая реализация: вытянутая вперед рука, пальцы сжаты в кулак) тоже имеет риторическое употребление: оратор плотно сжимал губы и, выкатив глаза, устремлял кулак в сторону аудитории. Этот мануальный жест является очевидной невербальной метафорой, выражающей установку на отталкивание и одновременно на вторжение, проникновение в слушателей. Кроме того, он передает информацию о том, что все эти действия происходят в актуальном настоящем времени. Говоря *Проходите, пожалуйста*, мы можем, даже если в данной конкретной ситуации вполне понятно, куда именно нас приглашают пройти, выразить валентности места-цели и направления невербальным способом, а именно этикетным знаковым движением руки, отображающим одновременно и направление, и место-цель движения. Рука одного человека может служить также опорой другому человеку. Например, помогая женщине выйти из машины, сойти с лестницы, придерживая или ведя ее под руку, мужчина каждый раз совершает этикетные икони-

ческие жесты рукой, которая действует во всех перечисленных случаях как твердый предмет, как опора.

В отличие от икон-эмблем, иконические иллюстраторы, как, собственно, и остальные виды жестов-иллюстраторов, не способны передавать значение независимо от вербального контекста и никогда не употребляются изолированно от него. Однако в противоположность другим типам иллюстраторов, иконические иллюстраторы формой и движением изображают, а не просто обозначают смысл. Во всех случаях, когда иконический жест выступает в тексте вместе с речью, «изображаемый» смысл весьма сложным образом коррелирует со смыслом сопровождающих вербальных высказываний.

Важными подклассами иллюстративных (а также, впрочем, и эмблематических) иконических жестов являются **пространственные** и **временные маркеры**, **кинефонографы** и **кинетографы**³.

Пространственные маркеры – это иконические жесты, изображающие разнообразные пространственные отношения. В коммуникативном акте они показывают размер или расположение человека или объекта в пространстве, а также дистанцию, отделяющую людей или объекты друг от друга. К пространственным маркерам относятся жесты «**вот какой**» (жест показывает, в частности, рост или размер), «**от сих до сих**», «**здесь**», «**там**», «**вон**», «**вот такого роста**» и др. По своим функциям и значениям некоторые из этих иконических жестов близки к дейктическим жестам.

Временные маркеры отображают временные отношения. Например, при произнесении высказывания *Он сделал это очень медленно (быстро)* скорость движущейся руки (часто наряду с амплитудой) может меняться в соответствии со сказанным. Точно так же разные мануальные движения коррелируют с растягиванием или, наоборот, с убыстрением произносимых слогов. Высказывание учителя математики *Я хочу, чтобы вы не торопились и, внимательно посмотрев на график, определили, с какой скоростью движется машина*, которое одному из нас довелось как-то услышать, ничего не говорит о величине скорости, однако в тот момент рука учителя двигалась довольно быстро, невольно подсказывая учащимся, что скорость движения не была очень маленькой.

Кинефонографами являются иконические жесты, изображающие движения тела и отдельных телесных объектов человека или животного (возможно, параллельно с речью или с производимыми при этих движениях неречевыми звуками). Ср., например, изображение ходьбы человека попеременным движением указательного и большого пальцев или движением указательного и среднего пальцев либо передачу галопа лошади с помощью быстрого перебирания и постукивания пальцев о некоторую поверхность, то есть с помощью жеста, который сопровождает звук, имитирующий ходьбу или стук копыт. Еще один пример кинефонографа – это имитация детьми движения вращающихся колес паровоза, сопровождающаяся звуками, например *чух-чух-чух*. Особый подкласс кинефонографов составляют жесты, которые отображают путь и движение человеческой мысли.

Кинетографами являются жесты, изображающие произвольные действия, за исключением собственно движений, и имитирующие траекторию, силу и некоторые другие параметры действий, а также звучания, сопровождающие действия. Примером кинетографов служат жесты, иконически изображающие резание или сгибание предмета, резание ножницами, удар молотка, лепку. Имеются кинетографы, имитирующие петлю или другие фигуры высшего пилотажа, которые исполняет самолет. Есть кинетограф «**слушаю**» (форма жеста: человек

³ Об этих типах жестов см. подробнее в (Крейдлин 2002).

выгибает ладонью ухо в направлении собеседника, удерживая ухо некоторое время в таком положении), кинетографы, изображающие закрываемую с силой книгу или показывающие деньги. В последнем случае икона представляет собой жест следующей формы: указательный (часто вместе со средним) и большой пальцы руки трутся друг о друга, имитируя шелест денег при счете или различных платежных операциях.

Замечание (О соотношении идеографических и кинетографических жестов)

Д. Эфрон, который, по-видимому, был первым, кто выделил разные типы иконических иллюстраторов, специально останавливался на различии так называемых **идеографических** и **кинетографических жестов**. Под идеографическими жестами он понимал «gestures which trace or sketch out in the air the path and direction of thought» ‘жесты, которые вычерчивают или схематически изображают в воздухе путь и направление движения мысли’, а под кинетографическими жестами он имел в виду «gestures that depict a bodily action» ‘жесты, которые изображают телесное движение’ (Efron 1941/1972, 10–11).

1.2. Свойства иконических жестов

Несмотря на исходно биологическую, а потому, казалось бы, универсальную природу и способ выражения значения, иконические жесты разных культур в общем случае не совпадают: культурная и языковая специфика сказываются как на физической реализации жестов, так и на особенностях выражаемых ими значений. Именно по этой причине жестовые иконы одних культур не всегда распознаются и понимаются представителями других культур. Так, по данным известной французской исследовательницы Ж. Кальбрис, из 34 французских жестов, большинство которых были иконическими и которые были ею предложены для распознавания венгерским и японским испытуемым, венгры смогли узнать только 11 единиц, а японцы – и того меньше, а именно 6 (Calbris 1990, 38). Даже введение явной подсказки в виде очевидного невербального ключа, указывающего на связь жеста с конкретным объектом-референтом или значением, как правило, не приводило к правильной интерпретации жеста. Например, проведение на уровне пояса ребром руки с опущенной вниз ладонью горизонтальной линии поперек туловища, помимо выражения смысла насыщения или пресыщения (примерное значение – ‘наелся’), интерпретировалось информантами также и совсем другими способами. Одни опрашиваемые трактовали данное движение как имеющее форму прямой линии, проведенной на уровне живота и выражающее идею ‘ниже пояса’. Другие видели в этом жесте линию, фиксирующую середину туловища и передающую идею ‘средне, так себе’, то есть рассматривали данную невербальную единицу как эквивалент французского *comme ci, comme ça*. Третьи считали, что такая прямая показывает уровень, который не следует превышать (это семантика ограничения, что-то вроде ‘достал, вот ты где у меня’). Четвертые рассматривали ту же линию как разделительную черту, однако ориентированную на нижнюю половину тела, а само движение интерпретировали как невербальный знак, передающий идею низа, то есть понимали его как вульгарный, обценный жест, связанный своей семантикой с местоположением гениталий.

Существуют, однако, весьма сильные связи и мотивации исполняемых жестовых движений и выражаемых ими значений, которые являются хорошим диагностическим ключом для понимания скрытых психических процессов.

Например, собранные нами данные по разным языкам жестов и разным культурам говорят о том, что контакт руки с головой во всех этих языках и культурах актуализирует представление об основных функциях и свойствах именно этих частей тела. Прикладывание ладони или

пальцев руки к голове, различные жестовые движения руки в области головы (см. жесты **обхватить голову руками**, **приложить палец к виску** или **приложить ладонь ко лбу**, **погладить по голове**, **хлопать по лбу** и пр.) свидетельствуют о различных функциях, традиционно приписываемых обществом голове. В частности, все эти жесты говорят о том, что голова отвечает за интеллектуальную деятельность человека (ср. смыслы ‘размышление’, ‘воспоминание’, ‘забывание’, ‘осмысление текущей ситуации’ и т. д.). Исполняя жесты **трясти головой** или **потирать голову руками**, человек показывает, что некое событие вызвало у него недоумение или непонимание, и он как бы встряхивает и приводит в движение мысль, чтобы понять случившееся. Таким образом, иконический элемент значения имеется и у всех этих символических, по Ч. Пирсу, жестов. Такое движение, как **обхватывание рукой горла**, свидетельствует о внезапно появившемся комке в горле, о наступившем или подступающем удушье, о боли в горле, а жест **закрывать рукой глаза** говорит о нежелании видеть или желании, чтобы тебя не видели, об усталости глаз и т. д.

Приведенные примеры показывают, что для многих иконических жестов можно обнаружить и описать глубокую внутреннюю и неслучайную связь между формой и смыслом, хотя следует признать, что в большинстве случаев поиск мотивации в форме, структуре и особенностях того или иного жестового движения напоминает разгадывание крайне непростой, а то и попросту неразрешимой загадки.

Как кажется, последнее происходит по причине, о которой мы уже вскользь говорили, а именно потому, что иконические знаки, если воспользоваться терминологией Г. Фреге (Frege 1952), скорее **показывают** или **изображают** смысл, чем **обозначают** его. Вместе с тем ни форма иконического знака-жеста, ни характер движения не позволяют на все сто процентов правильно извлечь его смысл из физической реализации, то есть из формы, жеста. Почти всегда дополнительно требуется соотнести и отождествить какой-то фрагмент контекста, как правило вербального, с жестовыми коррелятами.

В связи с этим можно задаться вполне естественным вопросом: а зачем люди вообще тогда производят иконические жесты? Ведь получается, что иконические жесты – это знаки, очевидным образом избыточные и не нужные для выполнения тех обычных коммуникативных задач, которые стоят перед участниками диалогического общения.

Чтобы попробовать ответить на поставленный вопрос, приведем сначала три примера употребления иконических жестов западных культур, которые были нами взяты из разных статей по кинесике. Мы приводим здесь эти примеры с одной-единственной целью – продемонстрировать формальное и смысловое разнообразие и самих иконических жестов, и ситуаций их употребления.

Первый пример заимствован нами из статьи (Riseborough 1981).

Что-то вроде длинной цилиндрической шляпы – эта фраза произносится в сопровождении следующего жеста: руки сложены вместе на уровне груди, каждая отображает цилиндрическую форму, затем руки постепенно разъезжаются, раздвигаются в горизонтальном направлении до тех пор, пока каждая не вытянется во всю длину.

Второй пример взят из статьи (McNeil 1986).

Рассказывая о сети проводов, установленных на фуникулере, человек поднимает вверх обе руки вместе, пальцы моментально складываются в замок.

Третий пример содержится в работе (Kendon 1980).

Фраза *У них был во какой* (или: *вот такой*) *большой торт!* сопровождается круговым движением или серией круговых движений предплечьем и кистью руки с направленным вниз выпрямленным указательным пальцем. Высказывание *Какой большой торт!* уместно лишь в той ситуации, когда торт находится в поле зрения говорящего и слушающего, а жест, изображающий большой торт, уместен лишь тогда, когда слушающий не видит торт, и чтобы воспол-

нить это упущение, говорящий показывает слушающему, как торт выглядит. Фраза, сопровождающая описанный жест, может звучать, например, так: *У них был вот такой большой торт!*

Эти примеры показывают, что иконические жесты выполняют в диалоге различные функции, отнюдь не всегда избыточные. Они могут не только дублировать смысл высказывания, но и выразить какие-то дополнительные аспекты описываемой ситуации, при этом речь становится более живой и выразительной. Так, в примере из статьи (McNeil 1986) человек показывает, что где-то наверху провода смыкаются. Пример А. Кендона показывает, что иконический жест может уточнять значение вербально выражаемого признака – в данном случае признака размера «большой».

Многие русские иконические жесты, например такие, как «спать хочется», «бинокль», «игра на барабане (или ксилофоне)», тоже передают такие аспекты ситуации, которые могут быть не выражены вербально. Жест «спать хочется», форму которого можно описать как «руки под голову, голова наклонена, будто покоится на подушке, глаза закрыты», передает смысл, что человек хочет лечь, так что его голова будет иметь некоторую опору. Жестом «бинокль» некоторые учителя показывают классу, что они видят даже то, что происходит на задних партах.

Теперь обратимся к некоторым факторам, влияющим на распознавание и интерпретацию иконических жестов.

1.3. Временные характеристики иконических жестов

И при синтезе устного текста, когда принимается во внимание взаимодействие словесного и жестового кодов, и при анализе встречающихся в таком тексте употреблений иконических иллюстраторов и иконических эмблем необходимо учитывать фактор времени, прежде всего временного тактиса. В частности, опережение, синхронность или запаздывание жеста, аккомпанирующего речевому потоку или иллюстрирующего его элементы, помогают уточнить, а иногда и дополнить выражаемый жестом смысл.

Исходное предположение у большинства исследователей жестов здесь по существу одно и то же, поскольку оно представляется довольно естественным. Его можно сформулировать примерно так: если когнитивная связь вербального и жестового каналов существует, то процессы вербализации и жестикуляции должны хотя бы частично перекрываться по времени. Известный американский психолог и специалист по невербальной семиотике А. Кендон в своей работе (Kendon 1985) приводит пример использования иконических иллюстраторов, соотносимых с целым блоком идей, и наложения смыслового содержания, выражаемого жестом, на содержание, кодируемое языковыми единицами. Когда дочь говорит матери *You don't know anything about it* 'Ты ничего об этом не знаешь' и, как бы отталкивая ее, сопровождает сказанное жестом – движением руки в сторону с ладонью, повернутой к лицу матери, – то, как пишет А. Кендон, можно думать, что этот жест дополняет сразу же последовавшую за первой вторую фразу дочери *Don't interfere it with business* 'Не путай это с бизнесом' и частично накладывается на первый жест.

Было неоднократно и вполне убедительно показано, что обычно слова, идущие в дискурсе задолго до или много позже воспроизводимого жеста, с ним не связаны. Установлено также, что если неиконические иллюстраторы, такие как, например, жестовые ударения, взаимодействуют преимущественно с супрасегментными единицами (ударением, тоном) и отдельными сегментными фонологическими единицами, в частности с встречающимися на границах морфем, то иконические иллюстраторы связаны главным образом с лексикой текста.

У большинства иконических мануальных иллюстраторов есть подготовительная фаза, или **экскурсия** (см. (Крейдлин 2002)), во время которой рука движется к стартовому положению со сравнительно небольшой скоростью (Nadar, Butterworth 1997, 154). Такие иконические иллюстраторы, как утверждают в указанной работе У. Хадар и Б. Баттерворт, обычно начинаются перед речевым сообщением, но не сразу, а с небольшой временной задержкой. Среднее временное запаздывание (*mean time lag*, в терминологии авторов) по их данным составило порядка 1 секунды, а вариативность запаздывания находилась в пределах от 0 до 2,5 секунд. Заканчивались же иконы спустя примерно 1,5 секунды после того, как начинались их лексические спутники (*affiliates*).

1.4. Структурные характеристики иконических жестов

Теперь посмотрим, имеются ли общие структурные характеристики, объединяющие все иконические жесты. Тут на помощь приходят исследования специалистов в области биологии и математической теории сложности движений. Как это не раз предлагалось делать, сложность движения можно измерять количеством векторных поворотов при его производстве, то есть количеством смен направлений в геометрии движения, и образом траектории движения.

Иконические иллюстраторы по меньшей мере тремя структурными характеристиками отличаются от еще более высокочастотных аккомпаниаторов – жестов-ударов.

Во-первых, все иконы-иллюстраторы имеют не менее двух векторных компонентов и несколько поворотов, что противопоставляет их более простым в этом отношении жестовым ударам, имеющим обычно один векторный жестовый компонент или, в крайне редком случае, два, производимые с одной и той же силой, но в противоположных направлениях. Во-вторых, в отличие от жестов-ударов, иконы-иллюстраторы имеют довольно широкую амплитуду (Nadar, Butterworth 1997, 151). В-третьих, по причине своей широкой амплитуды они являются единицами, относительно продолжительными в воспроизведении: большинство из них длится, как правило, более чем полсекунды⁴.

Рассмотрим здесь лишь один пример. Среди русских иконических иллюстраторов есть жест **«то ли так, то ли так»** (по форме совпадающий с английским **«so-so»**), передающий колебания в выборе одного из членов альтернативы. Однократный или двукратный поворот кисти руки вправо-влево (либо наоборот, сначала влево, потом вправо) с широкой для кисти амплитудой поворота и не очень быстрый по времени, в особенности если выбор решения затруднителен, иконически передает это мысленное колебание жестикулирующего.

1.5. Контекстуальные характеристики иконических жестов

Завершая анализ иконических жестов, рассмотрим важнейшие контекстуальные характеристики икон-иллюстраторов.

Иконические иллюстраторы, по крайней мере русские жесты, возникают обычно по соседству с теми участками устного дискурса, где у адресанта теряется беглость речи. По своему происхождению и по роли в контексте иконические иллюстраторы делятся на два класса. Одни жесты, по-видимому, рождаются в ходе концептуального планирования речи, отражая сам процесс планирования, тогда как другие являются внешней манифестацией иного процесса – процесса порождения речи. То, что иллюстратор, соседствующий с речью, демонстрирует смысловую соотнесенность со своим лексическим спутником, означает не только что какой-то аспект семантики данного высказывания определен до лексического выбора и до

⁴ Соответствующие данные о невербальном поведении носителей русской культуры содержатся в работе (Печерская 2001), французский материал по этой теме частично представлен в статье (Рико-Кассар 2005).

порождения жеста, но и что в замысел говорящего уже входило то, каким способом, вербальным или жестовым, будет выражен данный смысл.

Иконические иллюстративные жесты выполняют несколько контекстных функций.

Прежде всего (1) они облегчают порождение речи, и проявляется это в целом ряде внешне наблюдаемых фактов. Так, человек, не желающий употребить в речи некоторое слово или выражение и пытающийся не допустить возникновения в разговоре нежелательной паузы, так сказать, «тянет время». Употребляя вместо какого-то слова жест (это обычно неопределенный по направлению и амплитуде жест руки или пальца руки), он делает общение непрерывным или более гладким.

Далее, (2) с помощью иконических иллюстраторов и жестикуляции один человек может подсказать другому нужное, но сейчас забытое слово («помню, но забыл»).

(3) Наконец, исполняемые иллюстративные жесты, отображающие самые разнообразные элементы и аспекты ситуации, существенно способствуют порождению устного текста. Например, пытаясь вспомнить реплику из некогда имевшего место диалога или желая подобрать точно выражающее мысль слово, жестикулирующий восстанавливает в памяти разнообразные аспекты репрезентируемой ситуации и вспоминает, кто были участники того диалога, как они были одеты, что делали, а также более наглядно представляет внешний контекст диалога, происходившего в прошлом. Он **чесет голову, морщит лоб, приоткрывает рот, щелкает пальцами, смотрит в одну точку**, например вбок или вверх, как бы прерывая связь с миром, **закрывает лицо руками** и др.

Согласно существующим представлениям о том, как происходит порождение речи, и моделям порождения, поиск необходимой лексической единицы проходит две стадии.

На первой стадии, исходя из имеющихся к данному моменту концептуальной и смысловой спецификации (конкретизации), ищется абстрактная лексическая единица соответствующего содержания. Этот первый промежуточный этап на пути к окончательному выбору адекватного поверхностного имени лексемы в литературе часто называют «построением семантического лексикона»⁵, или **лемматизацией** (*lemma retrieval*)⁶.

На второй стадии информация, полученная на первом этапе, используется для поиска адекватной фонологической или графической формы слова (или отдельной лексемы в случае полисемии) в наличествующем фонологическом или графическом фонде языка, то есть предполагается, что форма берется из имеющихся лексиконов⁷.

В терминах данной модели порождения лексики устного текста семантическая приемлемость жеста может зависеть, таким образом, от смысловой спецификации, которая открывает путь к лексикону или облегчает к нему доступ. И вероятный функциональный кандидат на роль жеста – это тот невербальный знак, который может демонстрацией отдельных смысловых комплексов облегчить лексический поиск.

Иконические иллюстративные жесты, как было показано в целом ряде экспериментов и как отмечается в работе (Nadar, Butterworth 1997, 159–161), связывают речь на обеих стадиях обработки – и на, так сказать, постсемантической, и на предречевой. Тесная связь жестов с ситуацией затрудненности или дефицита речи дает основания полагать, что они активно участвуют в процессе облегчения порождения речи и отражают некоторые особенности этого процесса (см. (Подлесская, Кибрик 2003; 2007)).

⁵ См., например, работы (Howard, Franklin 1988; Butterworth 1989).

⁶ См. в частности, работы (Kempen, Huijbers 1983; Levelt 1989).

⁷ В действительности ситуация выглядит несколько более сложной: фонологические и графические единицы могут тоже конструироваться из имеющихся единиц или даже из частей имеющихся единиц. Ср. образование аббревиатур, неологизмов, сложных единств типа окказиональных имен *Никуда-не-годник*, *Как-бы-чего-не-вышло*, параязыковых единиц – аналогов междометий типа *м-м-м-м-м!*, *ц-ц-ц*, *бр-р-р*, либо слов, производных от междометий, слов, не представленных в словарях, таких как *охохонюшки*, *<все эти> хахаханышки*, *огогошееньки* и т. п.

Первое фундаментальное допущение, которое здесь неявным образом принимается, таково: в процессе производства устной речи концептуальная обработка информации активизирует визуальные, жестовые, тактильные и другие невербальные каналы передачи информации и соответствующие образы. Делается это, предположительно, автоматически и, предположительно, в той мере, в которой признаки, участвующие в такой обработке, помогают вызвать мысленный образ объекта.

Некоторое подтверждение сформулированной гипотезы можно найти в реально наблюдаемых фактах, показывающих, что иконические жесты и мимика являются самыми ранними формами жестовой коммуникации – как в онтогенезе (см. информацию на этот счет, в частности, в книгах (McNeil 1992; Крейдлин 2002)), так и в филогенезе (Kimura 1979, 197–220). Например, с жестами и мимикой мы можем встретиться еще до словесных выражений, подобно тому, как мы наблюдаем движения глаз или губ до чтения вслух или во время чтения. Такие телесные движения не являются результатом всецело интенционального процесса, но после того, как они начались, их волевым усилием можно прекратить.

Второе столь же важное допущение состоит в том, что визуальный, тактильный или иной сенсорный образ являются посредниками между концептуальной обработкой информации и порождением иконических жестов. Предполагается, например, что возникающий визуальный образ предмета, человека, ситуации и т. п. облегчает поиск и нахождение слова при синтезе устного текста. Это происходит благодаря трем разным операциям: (а) фокусированию внимания на каком-то аспекте или фрагменте при концептуальной обработке, (б) постоянному наблюдению за ключевыми признаками во время смыслового отбора и (в) отслеживанию того, как проходит непосредственная активизация форм слов в фонологическом лексиконе. Неудачи при поиске слова дают возможность выявить черты образа или мысленного представления и определить, каковы жесты, связанные с этими чертами.

Д. Мак-Нил (McNeil 1992) утверждает, что жесты возникают на ранней стадии построения сообщения, или, в его терминологии, «коммуникативной динамики» (*communicative dynamics*), то есть тогда же, когда порождается и языковой материал (*linguistic production*). По словам ученого, жестовые знаки проходят путь от когнитивного представления через образную репрезентацию смысла к выражающей его моторной артикуляции, при этом постоянно соединяясь и взаимодействуя с речью. Однако жесты, как считает Д. Мак-Нил, совсем не обязательно связаны с лексическим выбором.

Его оппоненты У. Хадар и Б. Баттерворт (Nadar, Butterworth 1997) с таким выводом Д. Мак-Нила не согласны, и мы к ним присоединяемся. Они полагают, что их представление, закрепленное в модели порождения устного текста, которую они предлагают, гораздо лучше объясняет факты соединения вербальной и жестовой продукции. Ученые проверили (и подтвердили на большом материале) свою гипотезу, согласно которой жесты с низкой смысловой конкретизацией, то есть более абстрактные и менее определенные по смыслу, должны давать бóльшие временные задержки и с большей вероятностью появляться в «предсловных» и «предсентенциальных» позициях, чем жесты с высокой смысловой конкретизацией. Нарушение этой закономерности употребления обычно порождает коммуникативный конфликт.

Модель, предлагаемая У. Хадаром и Б. Баттервортом, объясняет также и то, почему люди, испытывающие семантические трудности, производят больше предлексических (досемантических) жестов, а люди, испытывающие затруднения в поиске фонологического оформления смысла, производят больше постлексических (постсемантических) жестов.

Иконические иллюстраторы могут, разумеется, выполнять отдельные коммуникативные функции, но по отношению к той совокупности когнитивных функций, которые они выпол-

няют, передача информации является не основным, а вторичным, второстепенным их назначением. При этом они всегда придают тексту выразительность или образность. Еще до того, как рассматривать значение и поведение иконических жестов в контексте, в котором они встречаются или могут встретиться, и строго описывать их функциональное назначение, следовало бы для каждого из этих жестов определить, что представляют собой те смыслы и когнитивные идеи, которые они призваны кодировать и передавать. К сожалению, приходится констатировать, что сегодня ни для одной культуры и ни для одного языка жестов не существует ни объяснительных словарей, ни хотя бы отдельных описаний основных иконических телесных единиц.

§2. Лекторские жесты и их типы

В данном разделе излагаются некоторые результаты и выводы, относящиеся к важной части проблемы мультимодальности, а именно к выявлению особенностей сосуществования в диалоге определенного жанра особого рода вербальных и жестовых единиц.

С самого начала установим весь круг учитываемых здесь признаков и укажем значения, которые они принимают. Прежде всего это тип рассматриваемой культуры и коммуникации: мы будем рассматривать русскую культуру и коммуникацию одного лица со многими лицами, связанными общей деятельностью, а именно с некоторой аудиторией. Речь пойдет только об одном виде такой деятельности – учебной деятельности, осуществляемой в диалоге лектора со студентами⁸.

Несколько огрубляя реальную картину, можно считать, что все студенты в аудиториях были примерно одного возраста, нормального физического здоровья и психического состояния. Лекторы, знаковое поведение которых изучалось, были разного пола и возраста (от 35 до 65 лет). Все они – штатные преподаватели РГГУ, представители гуманитарных профессий: лингвисты, историки, социологи, политологи, специалисты по теории литературы и культурной антропологии. На видеокамеру записывались только те фрагменты лекций, во время которых шло объяснение нового материала. Впоследствии для описания были отобраны 10–15 минут из общего числа записанных.

В отличие от авторов работ (Печерская 2001; Рико-Кассар 2005) нас интересовали не только анализ отдельных лекторских жестов и жестовых (или жестово-фонетических, как в работе (Рико-Кассар 2005)) комплексов, но и установление основных принципов и способов взаимодействия жестов с вербальным составом высказываний. В своей работе мы постарались учесть результаты и выводы, связанные с оценками соотношения невербального и вербального компонентов, которые содержатся в работах целого ряда авторов, изучавших диалогические тексты самых разных жанров, стилей и тематики. Это труды отечественных лингвистов по дискурсивному анализу текста и невербальному диалогическому поведению, авторами которых являются М. Б. Бергельсон, А. И. Галичева, Е. А. Гришина, А. А. Кибрик, Е. Б. Морозова, Ю. В. Николаева, В. И. Подлесская, Н. В. Сухова, И. А. Шаронов и др. Это также исследования зарубежных лингвистов и психологов в области мультимодальной педагогики, обучения родному и неродному языкам, исследования по овладению дошкольниками, школьниками и студентами понятийным и инструментальным научным аппаратом. Мы имеем в виду прежде всего работы (Alibali et al. 2000; Arzarello, Edwards 2005; Edwards 2003; Goldin-Meadow 2003; Graham 1999; Nemirovsky et al. 1998; Roth 2001).

Жанр, который мы исследовали, – это жанр академических лекций, которые часто рассматривают как совокупность коммуникативно направленных монологических текстов дидактического характера. Представляется, однако, что академическая лекция как речевой жанр имеет целый ряд особенностей и разновидностей. Она может читаться по-разному и, в частности, вестись в диалогическом режиме. Нам были интересны только такие лекции-диалоги, во время которых имел место очевидный и более или менее постоянный вербальный и невербаль-

⁸ В своих наблюдениях и выводах мы будем опираться на фрагменты видеозаписей лекций, которые читались преподавателями отдельных институтов и факультетов в составе Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Видеозапись и аналитическая обработка материала проводились студенткой Института европейских культур в составе РГГУ И. Б. Печерской, которая в 2001 году под руководством Г. Е. Крейдлина написала и успешно защитила диплом под названием «Семиотика лекторских жестов» (Печерская 2001). Также с любезного разрешения бывшей французской стажерки кафедры русского языка Института лингвистики Флоранс Рико-Кассар, предпринявшей сравнительный анализ невербального поведения французских и русских лекторов, мы частично пользуемся собранными ею видеоданными. Некоторые из результатов, полученных Ф. Рико-Кассар, опубликованы в статье (Рико-Кассар 2005). См. также более раннюю работу Т. М. Николаевой (Николаева 1973).

ный контакт преподавателя с аудиторией (конечно, относительно малочисленной). Мы будем здесь рассматривать только поведение лектора; реакции слушателей на произносимый лектором текст представляют собой отдельный объект для изучения.

Замечание (О системности описания лекторских и других типов жестов)

Сегодня при анализе диалогов многие встречающиеся в них странные, курьезные и плохо объяснимые невербальные явления и единицы часто игнорируются как несущественные. Их списывают, нередко ссылаясь на их незнакомый характер, на индивидуальность авторского стиля, на неразвитость или отсталость культуры, на недостаточное знание особенностей данного народа и общества. Кажется, однако, что все же стоит попытаться разглядеть в этих явлениях и единицах пусть уникальные, но хотя бы в какой-то степени релевантные черты мировосприятия социальной группы, культуры или некоторого временного периода. Нередко интересными не только какие-то невербальные модели поведения и жесты, в частности лекторские, но и тот тип мышления и тот тип невербальной культуры, которые стоят за ними и которые обеспечивают существование и функционирование невербальных знаков и моделей в коммуникативном акте. За дидактическими телесными знаками и моделями поведения ввиду самой природы жестов часто скрываются неявные глубинные культурные слои, которые отражают ментальность лектора и производимые им когнитивные и другие интеллектуальные операции (часто проходящие мимо рефлексии исследователей невербальной коммуникации).

В ходе изучения лекторских жестов проверялось следующее предположение: чем сложнее передаваемое сообщение, тем больше мануальных жестов применяет человек в процессе трансляции сообщения, при условии, конечно, что он хочет успешно достичь своей коммуникативной цели, в данном случае – доходчиво объяснить новый материал студентам. Иными словами, мы предполагали наличие определенной корреляции между сложностью сообщения, типом коммуникативной ситуации и использованием жестов. Больше того, мы полагали, что максимально большое число иллюстраторов будет в ситуациях трудного для понимания и важного сообщения или при формулировке сложного задания, а минимальное число иллюстраторов – в ситуациях опосредованного общения при передаче легкого задания или не слишком сложного информационного сообщения.

Данная гипотеза, однако, не подтвердилась. Возможно, это связано с тем, что сложность сообщения – понятие не формальное, а субъективное; ее трудно измерить, и то, что кажется сложным для автора, могло не быть таковым для адресата. Скорее всего, можно говорить лишь о разных видах сложности.

Тем не менее в ходе анализа лекторского диалога была выявлена ранее не известная интерактивная функция иллюстраторов – помочь отправителю некоторого вербального сообщения в его шифровке и трансляции, в кодировке каких-то смыслов с помощью телесного кода и помочь адресату распознать и дешифровать кодируемые по-разному смыслы и интерпретировать все сообщения целиком.

Остается нерешенным вопрос, можно ли объяснить полученный результат намеренностью (интенциональностью) действий жестикулирующего человека. Мы можем предложить объяснение роста числа иллюстраторов их большей, так сказать, «естественностью» в ситуациях, когда эти жесты, как в случае лекторского диалога, видимы.

П. Экман и У. Фризен, говоря об иллюстраторах (Ekman, Friesen 1969), отмечают, что люди осознают их использование в гораздо меньшей степени, чем использование эмблем. Это необходимо отметить особо, как пишут авторы, поскольку весьма вероятно, что использование

человеком иллюстративных жестов хоть и находится на низком уровне осознанности, тем не менее является намеренным.

Многие слова и даже целые высказывания лекторов сопровождаются теми или иными иллюстративными жестами, например мелкими движениями головой, глазами, руками, пальцами и др. Часто встречающиеся в устных лекторских текстах указательные слова *здесь, вот, тут, этот* или местоимения *я, мы* и их формы в косвенных падежах обычно выступают вместе с легким движением руки, направленным в сторону говорящего, если тот стоит лицом к аудитории, причем употребления слова *мы* и его форм обычно сопровождаются чуть заметным вращательным движением руки. Напротив, использование в речи лектора таких местоимений, как *вы, они, тот, там*, сопровождается иллюстраторами, отображающими движение от говорящего в направлении реального или воображаемого человека или предмета. Высказывание *Дану?* в норме сопровождается вскидыванием головы и поднятием бровей, высказывание *Никогда!* – покачиванием головы и т. п. Некоторые из иллюстраторов, например отдельные типы ритмических жестовых ударений – пощелкивания пальцами, ритмичные постукивания ногой или взмахи руками, – помогают человеку вспомнить ускользнувшее от него слово и извлечь из своей пассивной памяти нужное название предмета или обозначение понятия, действия или свойства. Такие жесты объединяет общее назначение: они освобождают застрявшее слово, и мускульная активность говорящего как бы выталкивает слово наружу, активизируя «лексическую память» (термин, принадлежащий, по-видимому, американскому психологу Р. Клауссу), убыстряя и делая процесс речевого общения более гладким.

Ниже мы последовательно рассмотрим отдельные типы лекторских жестов или, точнее, жестов в условиях лекторского диалога.

2.1. Жестовые ударения в лекторском диалоге

В этом разделе мы покажем, что русские жестовые ударения в лекторской речи выполняют следующие функции: они (а) выявляют некоторые аспекты когнитивной деятельности говорящего, а именно процесса формирования смысла; (б) отражают отдельные специфические моменты в ходе порождения текста, то есть трансформации смысла в высказывание; и (в) помогают в организации линейной структуры высказывания.

Мы рассмотрим несколько разновидностей жестовых ударений – каждую в ее взаимодействии с высказыванием.

Жестовые ударения, свойственные лекторам, по своей форме в норме представляют собой краткие по времени, относительно небольшие по амплитуде и простые, как правило однонаправленные, движения руки или головы (кивки в такт речи). Чаще всего эти жесты по времени и месту согласованы с ударным слогом слова. Данный тип иллюстраторов в речи лекторов – один из самых частых и составляет, по нашим подсчетам, примерно 50% иллюстраторов.

Можно различать по значимости **основные** и **дополнительные (вторичные) жестовые ударения**. Основное жестовое ударение представляет собой четкое и ясное кинетическое движение, обычно сопровождающее сильное речевое ударение или предшествующее ему. Основные жестовые ударения выполняют в коммуникации роль, аналогичную той, которую играют на письме некоторые пунктуационные знаки, не только выделяя, но и одновременно отделяя одну порцию информации от другой. Тем самым жестовое ударение как бы придает пунктуации визуальную форму. Дополнительное, или вторичное, жестовое ударение является движением более ослабленным, то есть менее акцентированным по сравнению с основным ударением. Оно противопоставлено безударному кинетическому движению, сопровождающему речь. Ведущая функция всех основных русских жестовых ударений в акте лекторской коммуникации – грамматическая.

И при синтезе устного текста, когда принимается во внимание взаимодействие словесного и жестового кодов, и при анализе встречающихся в таком тексте употреблений жестов необходимо, как мы уже говорили, учитывать фактор времени, прежде всего временного тактиса. Как известно, жестовые ударения по времени обычно предшествуют речевым отрезкам, которые они сопровождают, или паузам, предваряющим смену говорящих в процессе диалога (хотя разница во времени между жестовым ударением и соотносимой с ним единицей речи в норме чрезвычайно мала). Согласно данным работы (Schegloff 1984), в английском языке жестовые ударения имеют в высказываниях постоянное место: как правило, они ставятся на последнем акцентно выделяемом слоге непосредственно перед теми сегментными речевыми или параречевыми единицами, с которыми они связаны.

По типу исполнения различаются **однократные** и **многократные**, или, иначе, **ритмические, ударения**. Ритмические ударения в выделенном фрагменте лекции характеризуют либо каждый слог в составе слова, важного для понимания всего текста, либо только ударный слог в каждом слове данного фрагмента. Мы рассмотрим здесь три русских лекторских жеста-ударения и укажем на некоторые характеристики их взаимодействия с вербально выраженным содержанием.

Типичным примером однократного или, чаще, многократного жестового ударения является иллюстратор **сечение ребром ладони**. Назначение этого жеста состоит не только в выделении каких-то слов или слогов – в нем присутствует очевидный иконический компонент значения. Вообще, для многих иллюстраторов, и в частности жестовых ударений, существуют достаточно сильные мотивации и связи исполняемых жестовых движений и выражаемых ими значений, которые являются хорошим диагностическим ключом для понимания скрытых психических и ментальных процессов.

Существуют два основных варианта исполнения жеста **сечение ребром ладони**, употребляемых в лекциях, по нашим подсчетам, примерно с равной частотой. В одном из них, так сказать более резком варианте, жест свидетельствует о том, что, делая текст рубленным (слова в этот момент произносятся обычно более резко и с большей, чем в норме, паузой, голос повышается), лектор отвергает какие-либо сомнения в истинности произносимого им текста. В другом, менее резком варианте жест интерпретируется как некоторое предположение или допущение со стороны жестикулирующего лица, отсекающее какие-то иные возможности.

Если жест **сечение <ребром ладони>** характерен для мужского стиля поведения, то женскому стилю присущ другой жест. Это плавное **отведение руки в сторону** – жест, интерпретируемый как приглашение к обсуждению альтернативы. В этом случае имеет место не столько подчеркивание какой-то мысли, сколько нечто вроде визуальной иллюстрации движения мысли, правда именно той, которая связана с данным жестом или, чаще, с сопутствующим высказыванием.

Структура речи и тип произносимого предложения тоже влияют на жестикуляцию. Быстрое сечение руки плохо соединяется с вопросом, но хорошо сочетается с восклицанием, а плавное и спокойное движение комбинируется с восклицанием плохо.

Вот примеры двух разновидностей лекторских жестовых ударений в их соединении с высказыванием:

(904) *У каждого* (жест (**резкое**) **сечение**) *литературного героя есть своя история.*

(905) *Вопрос о современности в современной критике ставится несколько иначе* (жест **отведение руки в сторону**) *в отношении к лирической поэзии, чем к прозе.*

Кажется не случайным, что жестовое ударение в предложении (904) соотносится именно со словом *каждый* – языковым аналогом квантора общности. Лектором является женщина, но здесь было бы странным видеть в ее исполнении жест **отведение руки в сторону**, поскольку слово *каждый* не предполагает возможности альтернативы. В предложении (905) **отведение**

руки в сторону, наоборот, говорит о такой возможности, ср. использование в предложении сочетания *несколько иначе*.

Применение лекторами жестовых ударений при объяснении материала имеет, как мы уже говорили, свои особенности: они не только ритмически организуют сообщение, но также подчеркивают и поясняют отдельные моменты в самом содержании речи. Именно поэтому жестовые ударения являются надежным ключом к выявлению важнейших смысловых точек произносимого дидактического текста. По одной жестикуляции, даже не слыша сказанное, можно судить о том, в какой момент произносится и выделяется то, что лектор считает достоверным или гипотетичным, какие моменты в произносимом тексте требуют дальнейшего объяснения или уточнения и что предполагает со стороны студентов особое внимание и запоминание и активную домашнюю проработку данного фрагмента лекции. Дополнительная энергия в жесте **сечение** повышает экспрессию речи лектора и привлекает внимание слушателей, а жест **отведение руки в сторону** приглашает присоединиться к размышлениям и колебаниям.

Третий и последний жест из класса ударений, высокочастотных в лекциях, это жест «**домик**». Физическая реализация его такова: он выполняется двумя руками; кончики пальцев соединяются, образуя фигуру, напоминающую треугольную крышу; ладони при этом распрямлены и слегка отодвинуты друг от друга. Жест относительно продолжительный: руки, соединяясь иногда быстро, иногда нет, находятся в положении «домика» от 3 до 5 секунд.

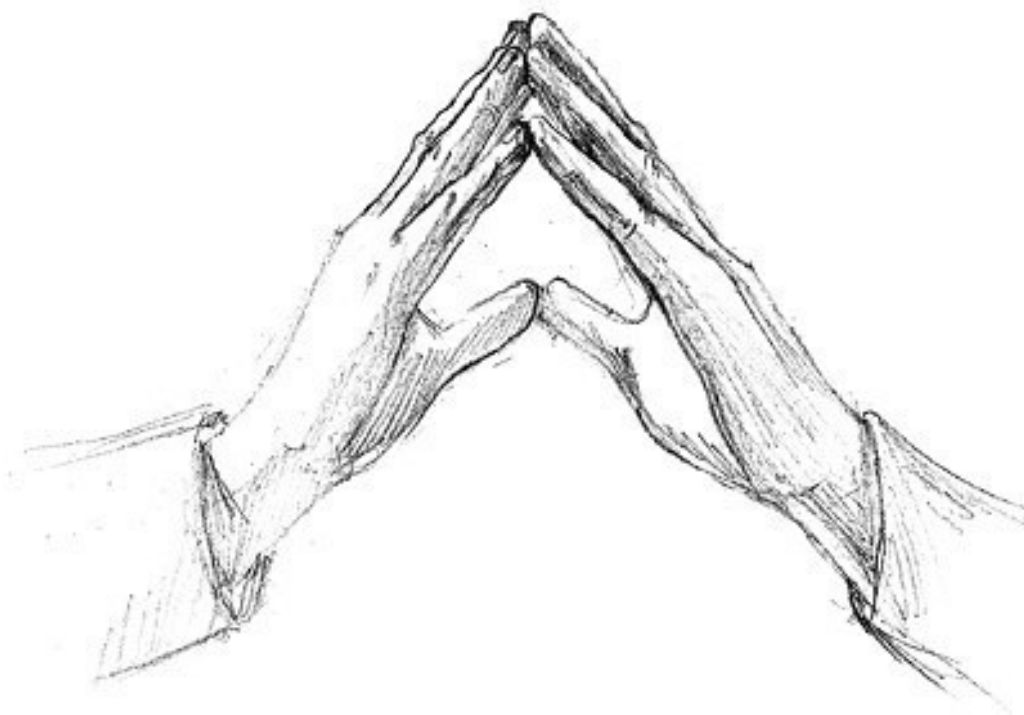

Рис. 3. Жест «домик»

«**Домик**» выражает и передает слушателям идею соединения разных частей одной мысли или разных мыслей в некое целое; им акцентируется процесс и результат аккумуляции разного в одно. И геометрия треугольной пирамиды в жесте «**домик**» наглядно демонстрирует как сам интеллектуальный процесс – сближение и соединение мыслей в одной из его вершин (ладони как стороны треугольника), так и его результат – появление цельной сложной мыслительной конструкции (соприкосновение пальцев образует вершины треугольника). Жестом иллюстри-

руется, таким образом, когнитивная операция суммирования мысли⁹: характерно, что жест сопровождает слова логического синтезирующего умозаключения и логического вывода: *итак, таким образом, вместе, в целом, очевидно, как вы видите, ясно* и т. п.

Продолжительность и статичность результирующего положения рук подчеркивают устойчивость и определенность выполненной когнитивной операции и утверждают ее законченность. Созданный и некоторое время сохраняемый визуальный образ помогает слушателям понимать, восстанавливать и удерживать в памяти связь мыслей-составляющих и их движение к результирующей мысли, заставляет слушателей сконцентрировать внимание и сосредоточиться на обсуждаемом вопросе. Голос лектора, исполняющего жест, становится более глубоким и медленным, как будто человек хочет вызвать у слушателей установку на восприятие важного и неожиданного, сообщаемого друзьям и товарищам.

Интересно, как реагировала на «**домик**» студенческая аудитория. Многие студенты как бы «встряхивались»: переводили взгляд на лектора либо начинали смотреть на него/нее более напряженно и внимательно, поворачивали голову в сторону говорящего, лоб морщился, глаза расширялись. Другие согласно и в такт кивали, на лицах появлялась радостная или скорее довольная улыбка, люди поворачивались к соседям и что-то начинали им быстро говорить. Впоследствии некоторых студентов спросили, чему они в тот момент радовались, и больше половины из тех, кто вспомнил (или сделал вид, что вспомнил), ответили примерно так (передаем точный смысл, но не текст): «Наверное, были довольны, что сами догадались, о чем преподаватель сказал».

Завершая обсуждение лекторских жестовых ударений, отметим, что в некоторых работах по невербальной семиотике, таких как (McNeil 1992, 185 и след.) и (Николаева 2005 со ссылкой на упомянутую выше работу), утверждалось, что эти виды иллюстраторов обычно появляются в дискурсе, когда говорящий отвлекается от изложения сюжета, то есть переходит с одного нарративного уровня на другой. Сказанное подтверждается частым появлением жестовых ударений на границе эпизодов. Как пишет Ю. В. Николаева, «кинетические ударения указывают на то, что имеет место отклонение от ранее соблюдаемой последовательности изложения событий» (Николаева 2005, 98).

В лекторском диалоге, где отмечаются сильные связи жестовых и речевых манифестантов и выражаемых ими значений, жестовые ударения служат хорошим диагностическим ключом для понимания скрытых ментальных и психических процессов. Простые по своей форме, жестовые ударения здесь не только подчеркивают какие-то элементы текста, ритмизируют и структурируют его, как это имеет место в бытовом диалоге или рассказе. Выполняя дидактические функции, иллюстраторы этого типа отражают когнитивные и эмоциональные процессы, происходящие в мозгу жестикулирующего, способствуют формированию и упорядочению его речи и облегчают слушателям ее восприятие. Эти невербальные знаки, как и сопровождаемая ими речь, являются, как говорил В. Вундт, «проявлением заложенных в нас способностей к обработке информации» (цит. по (Blumenthal 1974, 1082), перевод наш. – *Авторы*).

2.2. Дейктические жесты в лекторском диалоге

Некоторые эмблематические и иллюстративные жесты содержат в своей семантике указание на участников актуальной ситуации общения, на объект или его признаки, на место и время, релевантные для данной ситуации. Например, для невербального выражения смысла 'я' европейцы и американцы часто показывают указательным пальцем или рукой на область сердца или груди, а китайцы – на нос. Такого рода жесты, эмблемы или иллюстраторы называют **дейктическими**, или **указательными**. Различие между дейктическими эмблемами и дейк-

⁹ О когнитивных операциях см. подробно в статьях (Крейдлин, Шабат 2011; 2012).

тическими иллюстраторами состоит только в том, сопровождают ли они речь, и если да, то с какой степенью обязательности. Однако граница между этими двумя видами жестов, как мы уже говорили, не является жесткой¹⁰.

Дейктические жесты, как было давно установлено, – это самый древний класс в жестовой системе любого языка. Поэтому неудивительно, что именно в данной точке невербального пространства разные языки и культуры обнаруживают больше всего общих черт. Примерами русских дейктических жестов являются единицы **подзывать рукой, показать рукой, показать пальцем, показать глазами, поманить пальцем**, ср. также сочетание *Божий перст*, являющееся одной из номинаций жеста **перст указующий** в тексте (906) *Если ты маэстро, то я – не оркестр, // Не качай головой и пальцем не тычь, // Указательный твой – мне не Божий перст, // Знаю место свое – среди других опричь* (И. Лиснянская. «Если ты маэстро...»).

2.2.1. Два типа дейктических жестов

В составе дейктических жестов выделяются два семантических типа, которые мы будем называть **собственно дейктические жесты** и **характеризующие жесты**.

Дейктические жесты в научной литературе обычно описываются только с формальной (морфологической или структурной) точки зрения; при этом ничего не сообщается ни об их смыслах, ни о возможном смысловом сходстве разных и смысловом различии сходных жестовых форм¹¹. Между тем дейктические жесты, в частности те, что с высокой частотой встречаются в лекциях, разнообразны не только по формам, но и по выражаемым значениям и по функциям, которые эти жесты выполняют в лекторском тексте. И среди дейктических лекторских жестов есть синонимичные, полисемичные и омонимичные знаки.

Во время лекции, проводимой в режиме диалога, преподаватель постоянно вовлекает слушателей в разговор, привлекая их внимание к тем или иным аспектам лекции. Это достигается разными способами, прежде всего указанием на внутренние и внешние моменты диалога, то есть на какие-то содержательные стороны текста повествования или возникшего диалога, либо на некоторый внешний по отношению к актуальному диалогу контекст, вместе с последующим их обсуждением. Указания на объект, ситуацию или на их отдельные признаки, отсылка к месту и времени, релевантным для текущей ситуации, обслуживаются разными дейктическими жестами, хотя и не всеми теоретически допустимыми.

Различие между двумя выделенными классами дейктических жестов очень напоминает введенное в (Крейдлине 2002, гл. V, §4) различие между глаголами <собственно> касания и глаголами осязания (тактильными глаголами). В толкованиях глаголов <собственно> касания *касаться, трогать, дотрагиваться, задевать*, взятых в их основных, так сказать физических, смыслах, основной идеей и главной, если не единственной, пропозицией является вступление с объектом в контакт. А основной идеей и основной ассертивной пропозицией в толкованиях глаголов осязания *щупать, тереть, гладить, мять, сжимать, проводить (рукой)* является не пропозиция, отражающая вступление в контакт, а совсем другая – та, которая обозначает реализацию некоторого желания и цели субъекта (узнать свойства объекта, выразить испытываемое чувство и т. п.). Вступление же в контакт является для этих глаголов не более чем первым, хотя и необходимым шагом на пути к реализации желания и цели.

Аналогично, в толкованиях <собственно> дейктических жестов (точнее, в толкованиях отдельных жестовых лексем) основная и, как правило, единственная смысловая пропозиция передает идею указания некоторого предмета (и тогда смысловая пропозиция имеет вид ‘вот X’), местонахождения какого-то предмета (смысловая пропозиция имеет в этом случае вид ‘X тут’), направления движения (‘X направился туда’) и многие другие виды указаний. А в смыс-

¹⁰ См. об этом (Calbris 1990; 1998; Крейдлине 2002; McNeil 1992).

¹¹ Из известных редких исключений упомянем книгу (Kendon 2004).

ловом представлении характеризующих дейктических жестов указание не образует основную пропозицию: оно выполняется прежде всего для того, чтобы можно было квалифицировать и/или оценить объект либо какие-то его свойства. Иными словами, схема толкования характеризующих дейктических жестов выглядит следующим образом: 'указывая на X, сообщаю, что X...'. Таким образом, характеризующие дейктические жесты не столько указывают (хотя делают и это тоже) на объект, сколько показывают действия объекта или его свойства. Мы видим, что два класса дейктических жестов различаются той ролью, которую в семантическом представлении их элементов играет указательный компонент.

Сразу же подчеркнем, что, во-первых, собственно дейктический жест (если это не жест, который идентифицирует объект) тоже содержит в смысловом представлении пространственные характеристики объекта ('X там', 'X направился туда'), но это все не характеризующие предикаты. Во-вторых, формально и семантически характеризующий дейктический жест часто бывает трудно отличить от сочетания двух жестов – собственно дейктического и сразу следующего за ним характеризующего (репрезентативного) жеста (при этом не обязательно, чтобы активные органы жестов-составляющих или их рабочие части были одними и теми же).

Приведем примеры собственно дейктических и характеризующих дейктических жестов.

Собственно дейктическими жестами являются: (а) жест указательным пальцем, представленный выше в примере (906); (б) эмблематический жест студентки, сидящей недалеко от Маши, совершаемый указательным пальцем или рукой со значением 'вот она' и выступающий как невербальная ответная реплика на вопрос лектора: «Кто здесь Маша Попова?»; (в) иллюстративный жест лектора рукой назад, глаза направлены на аудиторию; этим жестом лектор показывает на исписанную сверху донизу доску, сопровождая жест произнесением слов: «Вот теперь доказательство можно считать законченным»; (г) дейктический иллюстративный жест головой под аккомпанемент высказывания лектора-филолога: «Вот я набросала тут приблизительный список тем».

Характеризующими дейктическими жестами являются (а) жест **«показывать на доску пальцем и пальцем обводить актуально важное место на ней»** и (б) жест **«вытянуть руку ладонью вверх и провести ею несколько раз слева направо»**, исполненный преподавателем вместе со словами «Вот об этой плоскости говорит Вас. Кандинский». По существу, в данном жесте соединены и указание, дублирующее местоимение *вот*, и характеристика плоскости, ее иконическое отображение.

Следующий пример (в) показывает, что сфера использования характеризующих дейктических жестов не ограничена материалом лекций, а значительно шире. Пример взят нами из книги (Kendon 2004, 207). Женщина покупает бананы, стоя около лотка с фруктами. Она спорит с продавцом, который снял с весов ее бананы до того, как стрелка весов остановилась. Женщина возмущенно говорит продавцу: «Что вы делаете? Смотрите, она же еще движется!», и с этими словами она поднимает руку, вытягивает ее и указательный палец прямо вперед в сторону весов. Затем, как пишет А. Кендон, «вместо того чтобы просто задержать руку в таком положении, она три-четыре раза поворачивает ее из стороны в сторону». Очевидно, что жест здесь указывает как на объект (стрелку весов), так и на характеризующий предикат (движение стрелки).

Реальность и различная природа двух выделенных видов указательных жестов неожиданно подтверждаются также серией исследований, посвященных становлению и развитию невербальной коммуникативной компетенции у ребенка. В ряде работ (см., например, (Pizzuto, Sarobianko 2005)), посвященных генезису и эволюции жестовых систем и моделей невербального диалогического поведения у детей, было показано, что в возрасте примерно от 16 до 20 месяцев дети¹² овладевают собственно дейктическими жестами. Например, они показывают

¹² Детально изучалось поведение итальянских, французских, испанских детей; имеются аналогичные данные об англий-

на маму, на мяч, на машину, на цветок или еще на какие-то привычные для них предметы в ответ на вопрос: «Где мама, мяч и т. д.?» И только позже, по существу уже овладев языком, то есть не ранее чем в двухлетнем возрасте, дети начинают использовать в диалоге с взрослыми характеризующие дейктические жесты. Так, показывая на игрушку, они говорят «красивая», показывая на кресло-качалку, начинают наклонять корпус вперед и назад, имитируя движение качающегося кресла, и т. п. (такое поведение ребенка (2 года 4 месяца) один из авторов наблюдал в некоей московской семье).

2.2.2. *Морфологические разновидности собственно дейктических жестов*

Как мы уже говорили, форма дейктических жестов, в частности собственно дейктических жестов, определяется значениями трех признаков: (а) «каков активный орган жеста и/или какова его рабочая часть», (б) «каково направление этого органа (части) в данном жесте» и (в) (для мануальных жестов) «какова ориентация ладони»¹³.

Наиболее типичными активными органами при исполнении этих жестов являются руки и пальцы (большой и указательный).

Опишем теперь некоторые способы исполнения таких жестов.

1. Если в качестве рабочего органа жеста выступает рука, то она вытянута, причем если и не полностью, то по крайней мере на сравнительно большое расстояние от корпуса. Это важно отметить, так как в ряде других культур, например в китайской культуре, женщины¹⁴, показывая на объект, держат руку близко от тела (см. книгу (Стернин 2002) и библиографию к ней).

2. В момент мануального указания рука может быть направлена: (а) горизонтально (вперед или вбок), (б) вертикально вперед вверх или вбок (в дальнейшем обозначается как «вверх / вбок») и (в) крайне редко, причем никогда в качестве дидактического жеста, строго вертикально вверх или вниз. Обычно в случаях (в) мы пользуемся пальцами, главным образом указательным и большим.

3. Что касается положения пальцев, то они тут, за исключением указательного (реже большого) пальца, в нормальном случае согнуты и прижаты к ладони. Неизвестно, есть ли такие культуры, в которых коммуникативной нормой является указание на предмет широко расставленными двумя, тремя или четырьмя пальцами, или такие культуры, в которых нормой является указание кулаком.

4. Ладонь при исполнении дейктического жеста пальцем прикрыта; глаза жестикулирующего в этот момент не обязательно смотрят на целевой объект (см. выше пример характеризующего дейктического жеста).

5. «Ориентация ладони» – это признак, биологически связанный с признаками «активный орган и его рабочая часть» и «направление руки». Другими словами, значения признака «ориентация ладони» (всего их четыре основных: «вертикальная ориентация на жестикулирующего / на адресата» и «горизонтальная ориентация вверх / вниз») и значения остальных двух признаков являются взаимообусловленными¹⁵. В дальнейшем в тех случаях, когда ориентация ладони, так сказать, автоматическая, то есть антропоморфно вынужденная, или ориентация ладони не является смысловоразличительной, она из описания формы жеста, например при лексикографическом описании жеста, исключается.

ских и русских детей.

¹³ Об ориентации тела и других телесных объектов см. §5 гл. II т. 1.

¹⁴ В традиционной китайской культуре так ведут себя именно женщины; мужчины держат руку в указательном жесте (равно как, между прочим, и в акте приветствия) на расстоянии от тела.

¹⁵ Точнее, у нас нет ни языковых, ни семиотических данных о том, является ли какой-либо из этих признаков обуславливающим другой. Впрочем, нас интересуют языковая и семиотическая концептуализации данного фрагмента мира, а не биология телесных объектов и физиология их взаимосвязей.

Из всех теоретически возможных комбинаций значений выделенных признаков, образующих дейктические жесты, в лекционной практике реализуются не все, а именно, встречаются только разновидности (1–7):

(1) **жесты рук (рабочий орган – указательный палец)**: 1.1 указательный палец направлен вертикально вверх или вбок, ладонь ориентирована на жестикулирующего; 1.2 указательный палец направлен вертикально вверх / вбок, ладонь ориентирована на адресата; 1.3 указательный палец направлен вертикально вниз / вбок, ладонь ориентирована на жестикулирующего¹⁶; 1.4 указательный палец направлен горизонтально вперед/вбок, ладонь ориентирована вниз;

(2) **жесты рук (рабочий орган – большой палец)**: 2.1 большой палец направлен вертикально вверх / вбок; 2.2 большой палец направлен горизонтально вбок¹⁷; 2.3 большой палец направлен горизонтально назад/вбок;

(3) **жесты рук (рабочий орган – мизинец)**: 3.1 мизинец направлен вертикально вверх / вбок; 3.2 мизинец направлен вертикально вниз / вбок; 3.3 мизинец направлен горизонтально, ладонь ориентирована вниз¹⁸;

(4) **жесты рук (рабочий орган – рука)**: 4.1 рука направлена горизонтально вперед, ладонь ориентирована вниз; 4.2 рука направлена горизонтально вперед, ладонь ориентирована вверх; 4.3 рука направлена вертикально вбок / вверх¹⁹, ладонь ориентирована на адресата²⁰.

Более редкие дейктические жесты – это жесты головы и ее частей. Таким образом, различаются:

(5) **жесты головы и частей головы**, прежде всего глаз (рабочие органы, соответственно, голова, глаза, подбородок и пр.): 5.1 голова резко вскидывается вверх, глаза смотрят вверх; 5.2 голова направлена вбок, глаза смотрят вбок²¹;

(6) **жесты глаз**;

(7) **жесты подбородка**.

Приведем примеры описания некоторых указательных жестов в художественной литературе; тем самым мы покажем, что эти жесты характерны не только для жанра лекторской речи.

(907а) – *Хочу с ним подраться, – бывало, тихо говорит мне Юра, кивнув на какого-нибудь мальчика.* (Ф. Искандер. Мой кумир);

(907б) *Тамара выпячивает подбородок в Катину сторону (такая она благовоспитанная, такая благовоспитанная, что даже в сильнейшем волнении ни за что не ткнет в Катю «неприлично» указательным пальцем!)* (А. Бруштейн. Дорога уходит в даль);

(907в) *Она глазами показала ему на карандаш* (Р. Брэдбери. Огромный-огромный мир где-то там).

2.2.3. Некоторые семантические противопоставления на множестве дейктических жестов

¹⁶ Еще одна теоретически допустимая и антропоморфно возможная мануальная жестовая форма – опущенный вниз/вбок указательный палец с ориентацией ладони на адресата – нам практически не встретилась. С ней мы столкнулись только один раз на лекции, проводимой преподавателем-женщиной.

¹⁷ Очень редко – всего в двух случаях употребления жеста – большой палец лектора был направлен горизонтально вперед.

¹⁸ Теоретически возможный дейктический мануальный жест «мизинец направлен горизонтально, ладонь ориентирована вверх» в нашем корпусе видеоматериалов не представлен.

¹⁹ Форма жеста с рукой, направленной вертикально вверх «над головой», почти не используется.

²⁰ Мануального дейктического жеста, в котором рука была бы сама направлена вертикально вбок/вверх, а ладонь при этом была бы ориентирована на жестикулирующего человека, в русском языке жестов нет.

²¹ Дейктических жестов других частей тела (или частей какой-то части тела), возможных в других культурах, в норме в языке русских жестов нет. Однако в русском невербальном стиле общения студенческой и школьной молодежи, который нам хорошо знаком, имеется любопытный указательный жест, который совершается локтем, чуть отводимым от корпуса (локоть движется два-три раза). В лекционной практике этот жест не встречается.

Дейктические жесты могут указывать на конкретный единичный объект, предметный или ситуативный (обычно это жесты пальцев), либо на совокупность конкретных объектов (в норме это жесты руки), ср.: «Вот такие писатели и составили первый ряд в мировой литературе», – лектор произносит данное высказывание, указывая рукой на портреты писателей, которые висят на стенах аудитории. Указание пальцами вообще более определенное, чем руками: пальцами люди указывают на конкретный единичный объект, пальцами осуществляется точечная локализация объекта (кончик пальца иконически соответствует точке). Рука же в силу своей анатомии может указывать на множественный объект или на менее определенный единичный объект.

Таким образом, на множестве указательных жестов имеются смысловые противопоставления большей/меньшей определенности (индивидуализации) и единичности/множественности объекта.

Еще одно противопоставление относится к типу целевого объекта, на который направлено указание. Если смысловое задание требует не точного указания (референции) объекта, места и т. д., а привлечения внимания к объекту (месту, положению и т. д.), о котором идет речь (непосредственно в лекционном материале или во внешнем контексте лекции), то используются жесты руки с открытой ладонью вверх (реже – вниз). Открытая ладонь, как неоднократно отмечалось в литературе для разных типов жестов²², является носителем смыслов открытости, представления и предоставления адресату объекта, то есть объекта, понимаемого здесь широко, включая новую ситуативную или предметную тему для актуального обсуждения в диалоге. Рука с открытой вверх ладонью как бы открывает адресату возможность иметь дело с данным объектом, вводит объект в личную сферу адресата и как бы предлагает ему/ей «взять» объект. Напротив, рука с опущенной вниз ладонью символически придвигает объект ближе к жестикулирующему лицу. Объект при этом метафорически передвигается в личную сферу жестикулирующего человека, и жест как бы говорит о том, что у человека появляется возможность присвоить объект или что он уже это сделал. Одновременно жест свидетельствует о недоступности объекта для адресата жеста (противоположная ладони сторона руки направлена автоматически в сторону адресата).

Когда нужно указать направление движения или ориентацию объекта, в качестве рабочего органа могут выступать как рука, так и пальцы руки (указательный, большой, мизинец), а направление (ориентация) ладони не существенны.

Следует отметить, что дейктические иллюстративные жесты рук и дейктические иллюстративные жесты пальцев рук сопровождают, вообще говоря, разные речевые акты. Информацию о том, какие это речевые акты, следует, как мы считаем, включать как в жестовые словари, так и в словари речевых актов или единиц, их конституирующих. Например, указательный жест пальцем на человека сопутствует агрессивным речевым актам, таким как обвинение, упрек, попрек, то есть актам, в которых адресат рассматривается как виновник в наступлении негативных событий. Кроме того, такой жест пальцем указывает на лицо или объект в бесцеремонных императивных актах приказа, команды, требования, в выражении модальности долженствования («Ты это должен сделать!», «<Не на то обращаете внимание>, вот о чем надо задуматься!», «Вы будете сейчас выступать в роли критика!»). Именно поэтому совершаемые на близком (физически личном или физически интимном расстоянии²³) указательные жесты пальцами оцениваются как несанкционированное и негативное (грубое и авторитарное) проникновение в личную сферу адресата и во всех известных нам культурах осуждаются²⁴.

²² См. (Calbris 1990; Крейдлин 2002; Kendon 2004; Naviland 2003).

²³ О типах проксемных расстояний (дистанций) см. (Крейдлин 2002).

²⁴ Грубость указания мизинцем (по-видимому, из-за его небольшой величины) сглажена, и детям такое поведение прощается.

Указательный жест руки с открытой ладонью одновременно с указанием на нечто представляет, предлагает и предоставляет это нечто, поэтому для подобных жестов провести ясную границу между собственно дейктическими и характеризующими употреблениями очень трудно. Однако в любом случае жесты руки сопутствуют совсем другим речевым актам, а именно вежливым речевым актам со значением предложения, выдвижения некоторой точки зрения, раскрытия содержания отдельных установок, положений, гипотез или аргументов.

Дейктический жест головой в лекторских диалогах, когда лектор стоит спиной к доске и лицом к аудитории, часто указывает на исписанную доску или на объекты, находящиеся на доске. Это карты, схемы, макеты, изображения с проектора, книги и др. Кроме того, такие жесты в своих метафорических употреблениях сопровождают акты отклонения от некоторой мысли или отбрасывания какой-то мысли, символизируя оставление ее в стороне от магистральной линии повествования.

2.3. Примеры употребления указательных лекторских жестов

Приведем несколько примеров реальных, то есть увиденных нами, ситуаций употребления указательных лекторских жестов.

1. Лектор-женщина просит выйти из аудитории студентку, мешающую ей вести занятия своим звонящим мобильным телефоном. Женщина говорит: «Выйдите, пожалуйста», и рука ее в этот момент²⁵ направлена в сторону двери. Очевидно, что тут не требуется точное указание двери: местоположение ее хорошо известно.

2. После точно такого же, как в разобранный выше примере, проступка другой студентки преподаватель-мужчина на какое-то мгновение прерывает объяснение материала и сначала указательным пальцем молча показывает на студентку, а потом палец совершает движение в сторону двери, демонстрируя этим направление (маршрут) предполагаемого последующего движения студентки. В конечной точке своего движения палец, однако, не указывает на дверь, через которую должна выйти студентка (иначе это было бы точным указанием места наряду с направлением движения), а направлен на стену, в которой дверь находится.

3. «Вот вам и вся политическая перспектива» – произнося эти слова, лектор, читающий лекцию по политологии, протягивает в направлении слушателей руку ладонью вверх, как бы демонстрируя достигнутый им результат в развернутой цепи рассуждений (ср. в этом отношении показательные «жестовые» глаголы *развернуть* <мысль> и *свернуть*, отражающие когнитивные и смысловые процессы построения текста).

4. «А вон там (указывая большим пальцем наверх) так не думают». Здесь преподавательница французского языка в ходе краткого обсуждения со студентами проблемы возможных двухнедельных стажировок во Франции в качестве финального аргумента показывает пальцем наверх, где метафорически находятся власть и властные органы. Перед нами точная, хотя и символическая референция верха, ср. понятие *up*-метафоры 'метафоры верха' у Дж. Лакоффа и М. Джонсона, см. (Lakoff, Johnson 1980). В концептуализации русских людей власть находится наверху, над головами «простых смертных»²⁶.

5. На лекции по новейшей истории студент стоит у доски и проводит некое рассуждение. Молодая женщина – лектор, обращаясь к аудитории со словами «Я бы не смогла угнаться за ним», головой кивает в сторону, глаза тоже косятся в сторону говорящего.

²⁵ На самом деле дейктические иллюстраторы чаще запаздывают и следуют за произносимыми словами, но здесь это не важно.

²⁶ Интересно, что когда один из авторов этой монографии показал однажды данный жест в многонациональной студенческой аудитории в отделении семиотики Александрова института Хельсинкского университета, далеко не все слушатели этот жест поняли, так что ему пришлось специально объяснять его значение.

В процессе чтения лекций дейктические жесты обычно сопровождают высказывания лекторов, относящихся к классу речевых указаний, что, в общем-то, не удивительно. Интереснее то, что дейктические жесты у лекторов чаще появляются не вместе с речью (исключение составляют абстрактные указания, или **дейктические невербальные метафоры**, о которых подробнее пойдет речь дальше), а там, где по тем или иным причинам речь отсутствует или ее восприятие затруднено. Жестом лектор выбирает человека в аудитории, когда не знает его имени или фамилии, когда сидящий находится от него далеко или когда лектор не хочет прерывать объяснение материала. Кроме того, дейктические жесты особенно хорошо приспособлены к передаче сведений, касающихся разного рода пространственных отношений, в частности формы и топографии объекта, ориентации и направления движения и других признаков, которые тяжелее кодируются вербальным способом. Мониторинг лекторского поведения преподавателей РГГУ показал, что более опытные из них неосознанно, а иногда и вполне осознанно выбирают невербальные средства, которые наряду с адекватно подобранными вербальными средствами облегчают аудитории понимание и усвоение нового материала.

Ниже мы остановимся на сравнительно часто встречающихся в лекциях преподавателей РГГУ по разным дисциплинам высказываниях и речевых актах, за которыми, так сказать, закреплены отдельные собственно дейктические лекторские жесты, и прокомментируем наиболее интересные из них.

1. Если материал лекции предполагает указание на высшие силы и на какие-то властные структуры наверху, то используется только жест вертикально направленным указательным пальцем, а жест руки здесь недопустим²⁷. Там все видят – произносит преподаватель психологии, демонстрируя данный жест. Направление пальца в этом жесте вертикальное и не наклонное.

Ср. также примеры, взятые из художественной литературы:

(908) *Когда Сталин в мертвой тишине, подняв указательный палец, говорил: «они там думают», я чувствовал удушье и мне казалось, что и Сталин, и я заживо похоронены в мраморном подвале и избраны нечистой силой охранять труп желтого человечка в кителе с нагрудными карманами, потерявшего последнюю примету отношения к жизни <... >* (Ю. Алешковский. Рука (Повествование палача));

(909) *Возможно, этого хочет Он, старший поднял указательный палец вверх, но хотят ли того присутствующие?* (А. Снегирев. Вера).

Понятным и естественным выглядит переносное значение жеста **поднять указательный палец вверх**, который стал широко использоваться как указание на важные моменты в речевом высказывании, как жестовое средство подчеркивания ключевых когнитивных и психологически важных мест. Поднятый указательный палец в некоторых своих значениях призывает обратить внимание на какие-то важные моменты в дискурсе и выражает идеи предупреждения и назидания (что, возможно, связано с семантикой старого и в высшей степени культурно значимого жеста, который мы уже упоминали, – **перст указующий**). Дидактический указательный жест здесь приобретает функцию характеризующей невербальной единицы, способствующей ритмизации и коммуникативной организации речи, и – посредством апелляции к высшим силам – выполняет диалогическую функцию привлечения внимания слушателей к определенным отрезкам текста. Ср. предложения (910) *Заглянул в микроскоп, радостно и как бы хищно осклабился. – Я его поймаю, – торжественно и важно сказал он, поднимая палец кверху, – поймаю.* (М. Булгаков. Роковые яйца); (911) – *За что это вы его благодарите? – заморгав, осведомился Бездомный. – За очень важное сведение, которое мне как путе-*

²⁷ Апелляция и воззвание к Небесам и Господу совершаются только поднятыми двумя руками с ладонями, направленными параллельно одна на другую, но это не собственно дейктический жест, а характеризующий.

шественнику чрезвычайно интересно, – многозначительно подняв палец, пояснил заграничный чужак (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Быстро поднятый вертикально вверх указательный палец руки как характеризующий дейктический жест имеет еще одно значение, а именно, обозначает иллокутивный акт со значением 'Вот <оно>!', 'Эврика!'. Здесь дейктический жест передает значение внезапно найденного или принятого решения. Жесты указательным пальцем руки, (а) поднятой перед головой (этот жест отражает то, что найденное решение продуцировано мозгом), (б) поднятой перед глазами (отражает то, что решение увидено) и (в) поднятой перед носом (экспликация смыслов чувства, пронизательности, интуиции), просто предназначены, как утверждает известная французская исследовательница жестов Ж. Кальбрис, для выражения именно этих смыслов (Calbris 1990, 72). Эти жесты часто сопровождают слова торжества и экспрессии. Фразы *Вот к чему мы пришли; Вот он, смысл где* произносят на своих лекциях вместе с указательным жестом пальца соответственно лингвист и литературовед.

Дейктические жесты, совершаемые указательным пальцем и употребляемые в разных своих значениях, настолько частотны и узнаваемы, что при их языковых описаниях слово *указательный* обычно опускается. Ср. выражения *не показывай пальцем, не тычь в меня пальцем*, а также описание таких жестов в текстах (912) *Музыка эта возникла скорее всего из-за того, что, как догадались еще древние (тут палец Николая Борисовича указал на полоску ватманской бумаги с черными словами), слух наш по сравнению с другими чувствами куда меньше облагодетельствован естественными наслаждениями* (В. Орлов. Альтист Данилов) и (913) *Ибо, если бы это было так, ты обязательно взял бы у меня что-нибудь. Имей в виду, что он перед смертью сказал, что он никого не винит, – Пилат значительно поднял палец, лицо Пилата дергалось* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

2. Из теоретически возможных указательных жестов, совершаемых большим пальцем, в лекциях употребляются не все. Лекторам не свойственны жесты, в которых большой палец направлен горизонтально вперед, и жесты с большим пальцем, направленным вертикально вверх. Зато часто встречались жесты больших пальцев, направленных назад. Их основное назначение – обратить внимания слушателей на то, что написано на доске за спиной лектора, то есть данный жест обычно употреблялся в ситуациях, когда лектор стоял лицом к аудитории. Кроме того, большим пальцем совершалось также горизонтальное указание вбок. Довольно неожиданно у нескольких лекторов жестовое указание большим пальцем имело несколько сдвинутое употребление по сравнению с описанными, а именно большой палец иногда метафорически указывал на боковые ветви повествования, на отклонение от его основной линии.

Имеются еще некоторые особенности лекторского дейксиса указательным и большим пальцами. Так, указательным пальцем показывают вниз, а большим пальцем вниз не показывают. Это обстоятельство определяет особенности сочетания соответствующих форм с речевыми произведениями разной семантики и иллокутивной силы. Указательный палец вниз подчеркивает определенность и окончательность выражаемых суждений. *Вот так именно оно и произошло, началась война* – произнося этот текст, преподаватель истории одновременно резким движением устремил свой указательный палец вниз. Многократно повторенное движение руки с выпрямленным и устремленным вниз указательным пальцем сопровождает высказывание *И мы им это говорили на протяжении многих лет*. Это высказывание произносит лектор на лекции по политологии. Его жест подчеркивает, что те, кому это говорилось на протяжении долгого времени, то есть «они», – оппоненты, «чужие», – как бы оказались внизу, а те, кто «это говорил» и с кем солидаризуется сам лектор, то есть «мы», заняли доминирующую позицию. Эти «мы» теперь могут смотреть на «них» сверху вниз, подчеркивая свое интеллектуальное или иное превосходство. И иконически указательный палец, направленный вниз, демонстрирует именно эту сложившуюся иерархию.

3. Преподаватель итальянского языка необычным жестом, явно относящимся к итальянскому языку жестов, указывает на некоторый пункт высказывания, которое произносит студентка. Впоследствии, найдя описание этого известного многим по итальянским фильмам жеста в целом ряде работ²⁸, мы узнали следующее. Жест по-итальянски обычно называется *mano a borso*, переводится на английский язык как *purse hand*, что по-русски можно передать как ‘рука в форме кошелька или щепоти’.

Mano a borso – это диалогический жест, который встречается как вместе с речью, так и без нее. Относится он, в терминологии А. Кендона (Kendon 1995), к классу **прагматических жестов**. Под такими жестами имеются в виду телесные знаки, не столько передающие смысловую информацию, сколько фокусирующие внимание адресата на участниках коммуникативной ситуации, на каких-то особенностях сопутствующего высказывания или на особенностях самой коммуникативной ситуации. При воспроизведении жеста **mano a borso** пальцы какой-то одной руки (для правшей – правой; жест не исполняется двумя руками) складываются вместе, кончики пальцев при этом касаются один другого. Рука со сложенными пальцами чуть согнута в локте, вытянута горизонтально вперед в сторону адресата ладонью вверх. Она может находиться на разной высоте и на разном расстоянии от средней линии тела жестикулирующего, однако в ряде случаев употреблений жеста рука с тем же положением пальцев направлена на тело самого жестикулирующего²⁹. Активная рука может при этом перемещаться вверх-вниз вдоль тела, совершая повторные движения, каждое с относительно небольшой амплитудой. Однако частота движения руки может быть разной. Более высокая частота выражает нетерпение или нетерпеливость, большой темперамент и большую, чем в норме, экспрессию поведения. Жест **mano a borso** свойственен скорее мужчинам или, точнее, мужскому стилю поведения.

Согласно данным, содержащимся в литературе, в которой описывается этот жест, он всегда сопровождает высказывание, которое по форме не обязательно представляет собой интеррогатив, но обязательно имеет семантику и иллокутивную силу вопроса. И. Поджи (Poggi 1983) считает, что в зависимости от способа исполнения и формы, которую принимает данный жест, он может указывать на разные семантические разновидности вопроса. Так, **mano a borso** может сопровождать обычный вопрос, негативный псевдовопрос (что-то вроде *Неужели ты и вправду этого не знаешь? Ну, скажи же!*), вопрос, при котором спрашивающий твердо знает, что адресат знает ответ, но не понимает, почему тот «тянет», медлит с ответом, и еще ряд других разновидностей вопросов. Наблюдая за лекторской речью преподавателей итальянского языка, мы видели, что **mano a borso** применялся ими для указания на тот или иной момент в поставленном вопросе, как бы фокусируя внимание аудитории на этом моменте и подстегивая слушателей к ответу на него. Кстати, на похожее метафорическое использование данного жеста в функции дейктического знака обратил внимание и А. Кендон в работе (Kendon 1995, 251–253).

2.4. Метафорические дейктические иллюстраторы в лекторском диалоге

В русском лекторском диалоге встречаются два типа дейктических иллюстраторов. Это **обычные дейктические иллюстраторы**, указывающие на тот или иной конкретный референт – на лицо, объект, действие или отношение непосредственно в самом произносимом тексте или во внешнем контексте (контексте ситуации), и **метафорические дейктические иллюстраторы**. Их отличает от обычных дейктических иллюстраторов то, что они указывают

²⁸ См. об этом (De Jorio 2000; Kendon 1995; Poggi 1983; Efron 1941/1972).

²⁹ Нам не удалось узнать, имеются ли смысловые различия между указанными вариантами жестовых реализаций. Впрочем, это заведомо не омонимичные лексемы.

не на лицо (объект, действие и т. д.), а на некоторые аспекты лица, действия или отношения, которые характеризуют соответствующий референт.

Как и обычные дейктические иллюстраторы, метафорические дейктические иллюстраторы тоже делятся на два класса. Это **собственно метафорические дейктические жесты** и **характеризующие метафорические дейктические жесты**.

Метафорические иллюстраторы в дидактическом тексте обладают своими особенностями по сравнению с такими же жестами, но в других типах текстов. Особенно большое количество метафорических иллюстраторов встретилось нам в те минуты лекции, когда шло объяснение нового материала. Коммуникативная задача лектора, объясняющего материал, очевидна, и потому он охотно прибегает к «наглядным пособиям» разного рода, к каковым относятся не только карты, рисунки, записи на доске, таблицы и пр., но и зрительно воспринимаемые жесты.

Приведем примеры смыслов, которые чаще всего выражаются и передаются в лекции метафорическими дейктическими иллюстраторами обоих типов.

1. 'Отход от магистральной линии повествования' – тут действует знаменитая метафора пути и отхода от него (Lakoff, Johnson 1980). Рука отводится в сторону, изображая этим отход;

2. 'Время' – рука указывает, как правило, вперед. Это движение в русской культуре означает устремленность к будущему, в «завтра», а прошлое изображается указательным жестом пальца или руки назад. В этой связи можно напомнить о многочисленных памятниках Ленину, где он стоит с рукой, устремленной вперед. Или вспомнить о первом языке французских глухих аббата Л'Эпе;

3. 'Неверная мысль, суждение или предположение', а также 'моральное отклонение' – рука, как и при отходе от магистральной линии, отводится в сторону. Такое движение реализует, однако, метафору хоть и близкую к отходу, но все же другую: это отклонение от пути – девиация, ср. лат. *de via* 'от пути';

4. 'Расхождение и сближение точек зрения' – руки раздвигаются в стороны, показывая расходящиеся направления под углом, как бы развилку дороги, или сближаются. Затем они либо соединяются в жесте «**домик**», либо «склеиваются» вместе ладонями (это знаковое движение, в отличие от «домика», хоть и метафорический, но не дейктический жест);

5. 'Подведение итога' – палец или рука лектора производят округлые движения одновременно со словами *Вот так и закончился их многолетний спор; Вот и все* и т. п. Другой лектор, математик по профессии, совершает аналогичное движение, произнося при этом фразу *Все, теперь все случаи нами рассмотрены*;

6. 'Отображение аспектов рассказываемого события' или 'отображение отдельных слов в высказывании'³⁰. Иногда лекторы круговыми жестами руки (в редких случаях – двух рук) изображают слово *круг* в его разных значениях и родственные ему слова *кругом, вокруг, на круг, закругляться* и т. п., слова, подводящие итог рассуждению: *в общем, в целом, в результате, в итоге*. Иными словами, значения или сами единицы как бы изображаются жестами. Как пишут в своей статье А. Ченки и К. Мюллер (Cienki, Müller 2008), отмечая возможность дублирования метафорического смысла жестом, «а conceptual metaphor which motivated the extension of a word to an abstract domain can <...> constitute an imagistic way of thinking about the idea, even it is no longer transparent in the form of the word itself» 'за концептуальной метафорой, благодаря которой у некоторого слова расширилась сфера употребления и оно приобрело значение, отражающее абстрактное понятие, скрывается образное представление этого понятия, даже если оно больше не просматривается в самой форме этого слова' (перевод наш. – *Авторы*);

³⁰ В терминологии Ж. Кальбрис жесты, отображающие аспекты события, называются *этимологическими* (Кальбрис 1990, 196–198).

7. Оценочные компоненты – условно ‘хорошее’ и ‘плохое’. Жест, выражающий такие оценки, производится обычно одной рукой, которая движется соответственно вверх и вниз (метафорически все хорошее находится наверху, а плохое – внизу).

2.5. Особенности взаимодействия смысловых и формальных компонентов в лекторских и других разновидностях жестов

Мы уже говорили (см. Введение), что синтаксис телесного знакового поведения складывается из двух совокупностей правил: правил **внутреннего синтаксиса**, которые отражают связь телесных знаков друг с другом и порядок их следования в устном диалоге, и правил **внешнего синтаксиса**, которые описывают закономерности соединения жестов разной природы с вербальными единицами. И те, и другие правила обычно формулируются комплексно, а именно, говорится о том, что такой-то и такой-то жест сочетается или не сочетается в диалоге с таким-то и таким-то вербальным или невербальным знаком. Между тем, как показал накопленный нами опыт исследования проблемы мультимодальности и поведения жестов, в частности, в контексте лекторского диалога, такое описание представляется не вполне адекватным.

Ниже формулируется и обосновывается одно важное положение, касающееся описания жестов: объектом лексикографического описания должны быть как жесты в целом, так и те знаковые телесные компоненты, которые играют важную роль в образовании жестов. Такое описание показывает, какую роль играют телесные компоненты в описании формы и смысла целого невербального или смешанного выражения (жеста, комбинации жестов, сочетания жестов с речевыми единицами и др.).

Телесные компоненты в описании жеста могут играть разные роли. Во-первых, они могут входить в состав активного органа, участвующего в его производстве. Например, в разных мануальных жестах может быть несколько телесных компонентов, существенных для исполнения жеста (это могут быть ладонь, ребра ладони, кисть, пальцы и др.). Во-вторых, бывает так, что наличие определенных телесных компонентов в составе жестовой формы является непременным условием правильного употребления соответствующего жеста в диалоге. Так, для описания синтаксической комбинации, состоящей из определенного жеста благодарности и ее словесного выражения, важны участие рук и их положение на груди. Мы имеем в виду здесь жест благодарности **приложить руку к груди**.

На то, что благодарность исходит из сердца, указывает не только данный жест, но и такие высказывания, как *Сердечно вам признателен; Благодарю вас от всего сердца* и др. Грудь и положение рук на ней, точнее передаваемый такими телесными компонентами смысл, в жесте хорошо соединяются со смыслом приведенных высказываний. В группе знаковых движений, прерывающих контакт с собеседником³¹, таких как **отвернуться, отвести глаза, опустить глаза, резко повернуть голову в сторону** и т. п., телесный компонент с наиболее высокой коммуникативной значимостью – это признак **переменной ориентации** соответственно тела, глаз и головы (см. §5 гл. II т. 1). Именно смена ориентации соматического объекта часто сопровождает такие выражения, как *Видеть тебя не хочу!; Глаза б мои на тебя не смотрели!; Стыдно!; Не смотри на меня!* и др.

При образовании сложных жестов из простых знаковых единиц (синтез жестов) или при членении сложных жестов на простые знаковые компоненты (анализ жестов) мы сталкиваемся непосредственно с проблемой, известной в лингвистике и семиотике под названием **проблемы композициональности**.

Проблема композициональности непосредственно связана с употреблением простых языковых единиц в составе более сложных. Ее решение состоит в ответе на вопрос, является

³¹ Этот класс жестов играет заметную роль в русском языке тела и русской культуре (см. об этом в книге (Крейдлиной 2002)).

ли смысл целого сочетания суммой смыслов его частей, то есть «складываются» ли смыслы без каких-либо наращений или редукций. Известно, что чем более идиоматичной является языковая единица, тем больше вероятность, что принцип композициональности не соблюдается. Так, смысл фразеологической единицы никогда не равен сумме смыслов частей, даже если эти части представляют собой существующие в языке лексические единицы, ср. фразеологизм *съесть собаку*.

Проблема композициональности в языке жестов распространяется и на внутренний, и на внешний синтаксис. Больше того, можно говорить о композициональности *resp.* некомпозициональности также и физических реализаций жестов.

Рассмотрим пример, показывающий роль отдельных телесных компонентов в описании жестов, и посмотрим, «складываются» ли они с телесными компонентами в составе того же жеста или, возможно, в составе других жестов (а если складываются, то при каких условиях). При этом, что важно, такое сложение может касаться либо исключительно смыслов, либо исключительно форм, либо и того и другого³².

Хотя приводимый ниже пример – это жест не из разряда лекторских, аналогичные проблемы встают и при синтезе/анализе лекторских жестов.

Иллюстративный жест **бить себя в грудь**³³, то есть жест, в норме сопровождающийся определенными словами, имеет сложную семантическую организацию. В его толкование входят несколько смысловых компонентов, соответствующих одному и тому же компоненту формы жеста – «контакт руки с грудью». Эти смысловые компоненты таковы:

(а) ‘жестикулирующий считает слова, сопровождающие данный жест, истинными’.

Данный смысловой компонент в русском языке жестов и в русском языке соотносится с сердцем, которое находится в груди. Положение рук на груди хорошо сочетается с этим смыслом, о чем говорят многие данные. Так, в русской культуре слова, чувства и поступки, идущие *от сердца*, считаются искренними и потому истинными – ср. предложения *От всего сердца за вас радуюсь*; *Она всегда поступает, как велит сердце*. То, что вырывается из груди, что трудно скрыть, тоже считается истинным.

О связи груди и сердца с истинностью и искренностью говорят также факты, относящиеся к русскому языку тела. Сопоставим жест **бить себя в грудь** с жестом **приложить руку к груди**. Жест **приложить руку к груди** является многозначным и в своих трех значениях соотносится соответственно со смыслами ‘умоляю’, ‘убеждаю’, ‘благодарю’, а каждый из этих смыслов, в свою очередь, связан с компонентами ‘искренность’ или ‘истинность’. Таким образом, именно телесный компонент «контакт руки с грудью» в обоих жестах передает смысл, о котором мы здесь говорим.

(б) ‘жестикулирующий указывает на себя’³⁴.

В русской культуре такое указание регулярно соотносится с частью тела «грудь» – в отличие, например, от китайской культуры, где смысл ‘указание на себя’ передается физически указанием на нос, то есть физическая реализация этого смысла иная.

(в) ‘жестикулирующий ручается в том, что его слова истинны’.

О связи данного смыслового компонента с физическими, телесными компонентами говорят следующие факты. Во-первых, глагол *ручаться* и имя *рука* являются однокоренными словами; кроме того, письменное поручительство нередко закрепляется подписью, которая дела-

³² Ср. в этой связи важную для теории словообразования тройку понятий «формальная производность», или «производность по форме», «смысловая производность», или «производность по смыслу», и просто «производность», включающая в себя и ту и другую (Мельчук 1967).

³³ Его подробное («целостное») описание дано в (СЯРЖ 2001); здесь же демонстрируется возможный способ его описания на основе принципа композициональности.

³⁴ Противопоставление жестов, направленных на отправителя сообщения, и жестов, направленных на адресата сообщения, является существенным для устного, особенно лекторского, диалога.

ется рукой, а устное поручительство скрепляется рукопожатием. Во-вторых, рассматриваемый смысловой компонент связан с еще одним телесным компонентом, а именно с грудью, но эта связь выявляется в результате более сложного и глубокого анализа. Дело в том, что смысл 'ручаться' связан со смыслом 'клясться' – их связывает по крайней мере смысловой компонент 'уверенность субъекта в истинности произносимых слов'. Клятва же является не только обыденным, но и культурно значимым речевым актом (не случайно существуют специальные предметы клятвы, подчеркивающие культурную значимость этого акта: тфилин³⁵, перстень, крест). Очень важно тут, что нательный крест носят именно на сердце (а сердце – этоместилище души), поэтому, совершая жест **бить себя в грудь**, жестикулирующий указывает на место, где располагается крест. См. также другие русские жесты, связанные с грудью и крестом: **перекреститься** и **скрестить руки на груди**.

Другой смысловой компонент, входящий в толкование жеста, это 'жестикулирующий пытается убедить в чем-то адресата'. Он частично реализуется в телесном компоненте «взгляд в глаза адресату». 'Убеждение' связано с 'пониманием', а по глазам можно прочесть, понимает человек сказанное ему или нет. Взгляд в глаза в русской культуре сопровождает многие семиотические акты, такие как клятва, убеждение, мольба, выражение благодарности.

Интенсивность желания убедить адресата передается в этом жесте также и физическим компонентом 'многократность <исполнения жеста>'. Данный компонент характеризует многие жесты, связанные с интенсивностью, ср. **перебирать пальцами**, **топать ногами**, **бить поклоны**, **раскланиваться**. Выражение интенсивности и многократность жестикуляции связаны с высказываниями, которые содержат повторы, например, *Да-да-да!*; *Ни-ни-ни!*; *Приду, приду, приду!* *Ну сейчас, сейчас*. Кроме того, эти смыслы и передающие их невербальные единицы согласуются со смыслами отдельных естественно-языковых высказываний, обычно тех из них, которые сопровождаются силовыми жестовыми ударами. Это такие высказывания, как *Ну сколько же раз тебе это можно говорить!*; *Раз, два, три!*, и т. п., а также тексты считалок.

Выявленные смысловые компоненты, закрепленные за теми или иными знаковыми составляющими жеста, складываясь, дают смысл самого жеста **бить себя в грудь**. Преимущество лексикографического описания, построенного по принципу композициональности, состоит в следующем: оно позволяет описать значения жестовых морфем, выявить разные смысловые связи семантических составляющих в пределах жеста и через них – связи данного жеста с другими.

Характеризующие дейктические жесты в лекторском дискурсе являются композициональными: они складываются из смыслов 'Y показывает на X' и 'Y передает информацию (сообщает нечто) об X'. Однако их композициональность не прямая: компонент 'Y показывает на X' является дополнительным ассертивным компонентом, то есть ниже рангом, чем основной смысловой компонент. Таким образом, операция сложения смыслов предполагает здесь дополнительное преобразование – понижение в ранге одного из компонентов.

Правила образования сложных жестов из простых или из отдельных компонентов простых жестов должны учитывать, что средством поверхностного выражения смысловых компонентов в составе жеста могут служить также разные телесные признаки, в частности разные формы и размеры соматических объектов.

Проиллюстрируем это на двух примерах.

(а) Рассмотрим жест «**шлагбаум**», физическая реализация которого такова: одна или обе выпрямленные руки стоящего человека вытянуты горизонтально в сторону (стороны). Такие положение и форма рук напоминают положение закрытого шлагбаума (отсюда номина-

³⁵ Тфилин – это коробочка, сделанная из цельного куска телячьей кожи, куда иудеи заворачивают полоски пергамента – отрывки из Торы, представляющие собой заповеди, которые верующие евреи по наступлении совершеннолетия должны исполнять в течение дня. Тфилин укрепляют на бицепсе руки, точнее на выпуклости мускула между локтем и плечом, и этот священный предмет канонически обращен к сердцу. Тфилин как знак завета с Богом может служить предметом клятвы.

ция жеста) и передают смысл 'проход/проезд закрыт'. Другой компонент этого жеста – напряженный взгляд, устремленный на адресата и приказывающий ему остановиться. Соединение жестов рук и глаз передает приказ адресату остановиться перед закрытым проходом или проездом.

(б) Форма «согнутая спина» реализует смыслы 'уважение/почтение', 'унижение' в разных русских **поклонах**. При этом существенно, что жестикулирующий не смотрит на адресата, например, исподлобья, а смотрит вниз. Таким образом, **уважительный поклон** – тоже сложный жест. Сложными жестами являются также мусульманский ритуальный поклон **сужда**, жесты **преклонять колени**, **реверанс** и некоторые другие.

Выше мы изложили некоторые результаты комплексного исследования особенностей взаимодействия невербальных и вербальных знаков в устном лекторском диалоге. На примере лекторских жестовых ударений и двух разновидностей дейктических жестов мы попытались показать, что многие из этих знаков являются обязательным элементом устного коммуникативного акта и что жесты с разными формальными и смысловыми характеристиками отличаются своими связями и соотношениями с другими знаками, выступающими в лекторском диалоге. Особое внимание было уделено проблеме мультимодальности, точнее взаимодействию дидактических указательных жестов с речевыми актами и высказываниями различной иллокутивной силы. При этом было показано, что отдельные лекторские дейктические жесты сопровождают речевые единицы с настолько высокой степенью обязательности, что эти жесты могут служить диагностическими элементами и маркерами иллокутивной силы высказывания.

§3. Фразеологические соматизмы

3.1. Постановка задачи

В данном разделе³⁶ описываются русские **фразеологические соматизмы**, под которыми мы понимаем фразеологические единицы с именами телесных объектов, их признаков или значений признаков. Цель предлагаемого описания – показать, как во фразеологических соматизмах отражаются человеческое тело и другие соматические объекты, а также различные явления телесности. Нас интересует, какие смыслы передают в этих языковых единицах соматические объекты или их признаки и какие образные представления, заключенные в них, стандартно закреплены за телом, частями тела, частями частей тела, органами и т. д. Наконец, мы хотим установить, какие ассоциации и коннотации (языковые, культурные, социальные) несут в себе разные телесные составляющие.

Рассматриваются две области функционирования телесных знаков, или **знаковые области**. Одна из них – речевая, а именно русский язык в его устной и письменной формах, а вторая – невербальная, а именно русский язык жестов. Основу лексики рассматриваемой речевой знаковой области образуют номинации соматических объектов разных классов и номинации их признаков в составе фразеологических соматизмов, а основу лексики рассматриваемой невербальной знаковой области составляют жесты в широком смысле слова, то есть, напомним, жесты рук, ног, плеч и головы, то есть собственно жесты, знаковые выражения лица, знаковые взгляды, позы, телодвижения и др.

Как это имело место и в других частях данной монографии, будут представлены результаты исследования, которое осуществлялось в рамках признакового подхода. Единство мета-языка и единство подхода к разного рода языковым и невербальным знакам мы считаем исключительно важными, поскольку это позволяет более надежно соотнести результаты, полученные в каждой из знаковых областей. Одной из задач признакового подхода, примененного к фразеологическим соматизмам, было выяснение того, какие объекты и какие их признаки в составе русских фразеологических соматизмов доставляют нам новую информацию о человеческом теле и телесности – новую по сравнению с той, что обычно дают неидиоматичные языковые и жестовые единицы.

3.2. Соматические объекты во фразеологических соматизмах

Природа фразеологических единиц такова, что они своей необычной экспрессивной формой привлекают внимание адресата к некоторому объекту, событию, свойству или иному фрагменту действительности.

Анализ собранного нами материала показывает, что в поверхностную структуру фразеологического соматизма могут входить как обозначение самого телесного объекта, так и обозначение его признака или значения признака. Однако это имеет место далеко не во всех случаях. В частности, прямого обозначения объекта, его признака или значения в поверхностной структуре фразеологического соматизма может не быть, однако в смысловой структуре соматизма всегда представлен либо сам объект, либо некоторый его признак. Смысловой темой³⁷ таких

³⁶ В первой части этого раздела существенно используются материалы статьи, написанной Г. Е. Крейдлиным совместно с А. Д. Козеренко (см. (Крейдлин, Козеренко 2011)).

³⁷ Термин взят из работы (Падучева 1996).

соматизмов является информация о телесном объекте, о каком-то его признаке или о значении этого признака.

Так, во фразеологическом соматизме *в одно ухо влетает, в другое вылетает* актуализуются как минимум следующие структурные признаки уха (ушей): «семиотическая парность»³⁸, «наличие у уха отверстия», «местоположение», «основная функция» и основной функциональный признак – «слышать». Иными словами, речь во фразеологизме идет не об ушах, а о некоторой их особенности, вызванной наличием у ушей данных признаков. А именно, в нем говорится о том, что некоторая информация, попав в ухо, то есть в ушное отверстие, именуемое *слуховой проход*, в голове не задержалась и не была усвоена³⁹.

Во фразеологическом соматизме *на сердце камень (у кого-л.)* актуализуется функциональный признак сердца, такой как «быть хранилищем чувств, причем как радостных, так и горестных». Камень символизирует тяжесть, в данном случае – тяжелое чувство. Поэтому речь здесь идет не о сердце как физическом органе, перегоняющем кровь, а именно о свойстве сердца хранить негативные чувства.

Если более внимательно посмотреть на множество русских фразеологических соматизмов, то могут возникнуть вопросы следующих типов: почему существует идиома *как рукой сняло* и нет идиомы **как пальцами сняло*, – ведь реально можно снять что-либо и рукой, и пальцами? Или: почему мы говорим *зуб на зуб не попадает*? Другими словами, мотивирован ли как-то выбор соматического объекта *зуб* для выражения того смысла, который передает данная идиома? И вообще, случаен или не случаен выбор того или иного соматического объекта во фразеологизме для выражения нужного смысла, а если не случаен, то чем он обусловлен? Наш ответ на эти вопросы таков:

Выбор имени соматического объекта и стоящего за этим именем референта во фразеологическом соматизме не случайны. Наличие такого имени во фразеологизме обусловлено тем, как в нашем сознании представлен соответствующий соматический объект, его признаки или их значения, то есть какова семиотическая концептуализация данного объекта⁴⁰.

В качестве подтверждения этого тезиса приведем несколько примеров.

У соматического объекта «рука» есть важные функциональные свойства – брать, держать и удерживать относительно большие предметы, а также осуществлять какие-то действия с ними. При этом многое из того, что может делать рука, пальцы, например, делать не могут. Они способны удерживать только мелкие предметы, а при манипуляции с более крупными требуется участие более крупных и сильных частей руки, таких как кисть и ладонь. Идиома *как рукой сняло* означает исчезновение некоторого неприятного, патологического, чаще всего тяжелого состояния (например, болезни или приступа), причем исчезновение подается так, будто оно наступило само, «магическим образом», без каких-либо усилий, инструментов, действий, ср. предложения (914) *Сашенька часто болела ангиной. А потом как рукой сняло* (В. Михальский. Весна в Карфагене) и (915) *Вода пахла болотом, торфом, но не зря отец в каждом ручье устраивал водопой – усталость как рукой сняло* (Ф. Абрамов. Алька). Появление руки в этой идиоме не случайно. Во-первых, умение что-то делать связывается с рукой, ср. пару *рукастый – безрукий*, а во-вторых, руке приписывается магическая функция (Славянские древности 1995–2012, т. 5, 254–258). А потому в образной составляющей данной иди-

³⁸ О признаке «семиотическая парность соматических объектов» см. §2 гл. II т. 1.

³⁹ Анализ фразеологических соматизмов и, в частности, фразеологизма *в одно ухо влетает, в другое вылетает* позволяет уточнить словарную интерпретацию некоторых языковых единиц – в данном случае глагола *слышать*. *Слышать* – это не только получать или воспринимать некоторую информацию, но и хранить ее в оперативной памяти (в голове) и, быть может, при этом частично обрабатывать.

⁴⁰ Семиотическая концептуализация телесного объекта – это понятие, производное от понятия семиотической концептуализации тела, о котором мы подробно писали в §2 гл. I т. 1.

омы⁴¹ именно рука предстает как инструмент для выполнения действий, облегчающих состояние человека.

В еще большей степени представляется мотивированным выбор объекта *зуб* в идиоме *зуб на зуб не попадает*, ср. предложение (916) *Я очень замерз, прямо зуб на зуб не попадает* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха). Мы говорим, что у человека *зуб на зуб не попадает*, когда понимаем, что ему холодно, и – главное – слышим проявление этого состояния. Слышимый или представляемый как слышимый звук может возникнуть лишь от соударения зубов. Информация о том, что звуком, возникающим под действием холода, является стук зубов, должна, по нашему мнению, вводиться в толковый словарь.

Существуют, конечно, <квази>синонимические фразеологические соматизмы, в поверхностной структуре которых представлены разные соматические объекты. За счет чего тогда возникает синонимия? В силу сформулированного выше тезиса природа синонимии становится прозрачной: у многих соматических объектов есть общие свойства, и синонимия создается за счет актуализации в смысловой структуре фразеологизмов именно этих общих свойств. Так, синонимия фразеологических единиц *глаза на лоб полезли* и *брови на лоб полезли* обусловлена обозначением в них идентичного симптоматического жеста⁴². Ср. предложение (917) *Вернись, у меня глаза на лоб полезли, впору к окулисту проситься!* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Хромая судьба) и предложение (918) *От моего вопроса у него брови на лоб полезли* (Ю. Лемеш. Лежачий полицейский). А синонимия фразеологизмов *на сердце камень* и *на душе камень* вызвана общностью функций соматических объектов «сердце» и «душа».

Скорее всего, в других культурах, в которых телесные объекты концептуализуются иначе, чем в русской культуре, на их места в соответствующих фразеологизмах будут подставляться другие объекты, причем совсем не обязательно соматические.

Задачи выявления соматических и иных объектов, обладающих общими функциональными (а также структурными, физическими) свойствами, как они представлены в данном естественном языке и данном языке тела, образуют интересный класс задач для лингвистического и семиотического анализа, и построение семиотической концептуализации тела и телесности является важным шагом на пути к их решению. Еще более интересной является задача поиска соответствий между такими объектами в разных естественных языках и соответствующих им языках тела. Помимо теоретической и типологической важности решения этих задач, особо отметим их актуальность и значимость для практики составления многоязычных словарей, для перевода и преподавания языка.

3.3. Выделенные значения признаков соматических объектов и семантика фразеологических соматизмов

Еще один теоретический тезис, который мы хотим здесь выдвинуть и обосновать, состоит в том, что для смысловой интерпретации фразеологического соматизма существенно, как представлен в нем соматический объект или некоторый его признак, а из множества значений этого признака – представлено ли в нем выделенное значение (выделенные значения).

Фразеологические соматизмы обладают важным семантико-прагматическим свойством, в общем случае отличающим их от свободных сочетаний с именами соматических объектов. А именно, они всегда говорят нам что-то об обладателе данного объекта в связи с этим объектом (в связи с его свойствами, действиями, участием в коммуникативных, поведенческих и иных актах), между тем как свободные сочетания с соматическими объектами, не содержащие в поверхностной структуре сведений об их обладателе, бывают двух видов. Одни сво-

⁴¹ О понятии образной составляющей идиомы см. (Баранов, Добровольский 1998).

⁴² Различение коммуникативных и симптоматических жестов было введено в работе (Крейдлин 2002).

бодные сочетания характеризуют исключительно сам соматический объект безотносительно к его обладателю. Примером такого рода сочетаний являются единицы *большие уши, римский нос* – едва ли они говорят о каких-то иных свойствах обладателей ушей и носа, кроме свойств самих этих объектов. Другие сочетания, указывая на признак соматического объекта, говорят нам также что-то и о его обладателе. Обычно это бывает в тех ситуациях употребления, когда это «что-то» есть внутренние свойства человека (психические, ментальные, склонность к определенным поведенческим моделям или рефлексам). В таких случаях мы как раз и говорим о выделенном значении признака соматического объекта⁴³.

Задача смысловой интерпретации фразеологического соматизма сложным образом связана с установлением множества выделенных значений признака представленного в нем соматического объекта. Дело в том, что и признаков у данного телесного объекта обычно много, и выделенных значений у одного признака объекта тоже бывает не одно. А потому важно получить ответ на вопрос, какое или какие выделенные значения данного признака актуализуются во фразеологизме. Иногда выделенные значения признака известны из анализа имен и свободных сочетаний соматических объектов, а иногда рассмотрение фразеологических соматизмов может пополнить множество выделенных значений того или иного признака. Поскольку семиотическая концептуализация тела до обращения к материалу фразеологических соматизмов строилась нами на языковом материале свободных сочетаний, мы не исключали возможности того, что наборы выделенных значений признаков, которые были получены при анализе свободных сочетаний, и наборы признаков и их значений, которые удастся извлечь в ходе анализа фразеологических соматизмов, будут не совпадать, а несовпадение таких наборов может потребовать объяснений, которые помогут глубже понять природу различий свободных и несвободных сочетаний.

Сказанное позволяет, как кажется, подойти к решению важной типологической проблемы – ответить на вопрос: совпадают или нет обозначения соматических объектов в составе фразеологического соматизма и его переводных эквивалентов и почему совпадают или, наоборот, не совпадают? Например, в русском языке есть фразеологизм *ветер в спину*. Найдется ли в каком-то другом языке фразеологизм с той же или близкой смысловой структурой, в котором будет представлен переводной эквивалент слова *спина*? Если таковой найдется, то можно думать, что и в этом языке обозначение спины так же функционально нагружено.

3.4. Анализ русских фразеологических соматизмов

Описание фразеологических соматизмов удобно начать с разбиения их на классы в соответствии с теми соматическими объектами или типами соматических объектов, которые в этих единицах представлены. Напомним, что к основным типам соматических объектов относятся: тело (ср. фразеологизмы: *быть в теле, спастись с тела*); части тела (*прятаться за чьей-л. спиной, повернуться лицом к кому-л./чему-л.*); части частей тела (*и пальцем не пошевелить, ноздря в ноздрю*); органы (*кишка тонка, с тяжелым сердцем, вправлять мозги*); кости, включая соединения костей (*кусать себе локти, пересчитать ребра кому-л.*); телесные жидкости (*моча в голову ударила, распустить сопли*); места (*держат ушки на макушке, погладить по голове*); отверстия (*в одно ухо влетает, в другое вылетает, палец в рот не клади*); покровы – волосяной (*рвать на себе волосы, на волоске от чего-л.*), кожный (*кожей чувствовать, ни кожи ни рожки*), роговой (*прижать к ногтю, с младых ногтей*); чужеродные образования на теле (*сыпать соль на раны, <как> бельмо на глазу*).

⁴³ О выделенных значениях признака соматического объекта см. §1 гл. II т. 1; см. о них также ниже.

3.4.1. Фразеологические соматизмы со словом тело (тип «тело») и словом голова (тип «части тела»)

Напомним, что к соматическому типу «тело» относится ровно один объект, а именно само тело, обозначаемый стандартно словом *тело*⁴⁴, а соматический тип «части тела» включает в себя много объектов, имена которых морфологически и семантически весьма разнообразны.

Говоря о теле, люди часто подчеркивают внешние характеристики человека, такие как рост, размер, форма, пропорциональность, ср. *хорошо / пропорционально сложенный*. Последняя характеристика тесно связана с наличием в теле определенных компонентов – мяса, жира, костей и др. Например, подчеркивая обилие в теле жира, мы употребляем либо свободные сочетания *упитанное / полное / округлое тело*, либо фразеологизмы, такие как, например, *быть в теле*. Если же человек стал более худым, чем был раньше, и объем его тела уменьшился, то мы можем не только сказать, что человек *похудел*, но также, используя фразеологизм, сказать, что он *спал с тела*. Фразеологизмы *<быть> в теле* и *спасть с тела* одновременно актуализуют и структурный признак «форма тела», и физический признак «толщина».

Тело отражается в русской фразеологии и как такой соматический объект, в состав которого входят некоторые другие соматические объекты; наличие их в теле является одним из важнейших структурных признаков. Выше мы говорили о том, что своей необычной экспрессивной формой фразеологизмы привлекают внимание адресата к некоторому объекту, событию, свойству или иному фрагменту действительности, передаваемому данной единицей. Языковой материал тут как бы отражает логику поведения людей: поскольку привлекать внимание к тому, что тело является объединением самых разных соматических объектов, нет необходимости, то и фразеологизмов, которые бы выражали эту идею, мало. Действительно, в используемом нами корпусе фразеологизмов (Баранов, Добровольский 2007) есть всего лишь одна единица с соответствующим смыслом, а именно *эле-эле душа в теле*. Слово *тело*, впрочем, в этом сочетании имеет иное значение, чем в представленных выше фразеологизмах. Это значение соответствует лексеме ТЕЛО 4 ('материально заполненная оболочка ТЕЛА 1', где ТЕЛО 1 – семантический примитив (см. подробно о разных значениях слова *тело* в §3 гл. I т. 1)).

В некоторых фразеологических соматизмах актуализуется структурный признак «местоположение головы», а именно то, что голова занимает более высокое положение в теле по сравнению со всеми другими его частями. Ср. фразеологические соматизмы *выше головы и с головы до ног* (с вариантом *с ног до головы*) – в последнем выражении подчеркивается также низкое расположение ног. Близкое, но все же не тождественное ему значение имеет другой фразеологизм – *с головы до пята*: в нем слово *пята* обозначает наиболее низко расположенный телесный объект.

Отметим попутно, что слово *пята* является обозначением другого типа соматического объекта – не «части тела», а «части части тела», а именно части ноги, соприкасающейся с землей при стоячем положении тела (о других фразеологизмах с именами частей частей тела см. ниже). Любопытно, что фразеология может описывать тело все целиком, сверху донизу и снизу доверху, или с самого верха до самого низа, но не может описывать его с самого низа до самого верха – фразеологизма **с пят до головы* не существует.

Тот же структурный признак головы – «местоположение в теле» – отражается и в динамике телесного поведения. Мы говорим *уйти / окунуться / погрузиться / влезть... с головой <во что-либо>* (такая вариативность во фразеологизмах достаточно редкое явление). Зная, что голова – это самая верхняя часть тела, мы понимаем, что фрагмент *с головой* в перечисленных единицах фактически обозначает 'целиком'. То же можно сказать и о фразеологизме

⁴⁴ Стилистически маркированные обозначения тела, то есть такие слова, как *туша, телеса* или *тельце*, а также обозначения тела, нагруженные дополнительными смысловыми элементами, – слова *торс, фигура, корпус, туловище, стан* и др. – мы здесь не рассматриваем.

выдать себя с головой. Кроме того, голова здесь маркирует уровень, до которого происходит погружение.

Перейдем теперь к физическим признакам частей тела, представленных во фразеологии.

У частей тела (как и у частей частей тела и некоторых других типов соматических объектов) есть физический признак «наличие поверхности». Например, говоря *на руке, на ноге, на ушах, на губе* или *на теле*, мы имеем в виду поверхности соответствующих объектов. Они могут соприкасаться, что проявляется в ряде фразеологизмов с редупликацией имен соматических объектов.

Интерес представляют единицы типа *рука об руку, спина к спине, плечом к плечу, голова к голове* и т. п., где близкое или контактное положение поверхностей соматических объектов может передавать дополнительные смыслы межличностной или социальной близости. При этом контакт объектов бывает реальным (ср. *зубы стучат от холода*) или воображаемым (ср. *столкнуться нос к носу*).

Контакт соматических объектов может также обозначать порядок в некотором ряду, ср. *стоять плечом к плечу* (например, в строю), или выражать идею единства, единения людей, ср. *сражаться плечом к плечу* или *идти по жизни рука об руку*.

Приведем примеры, где контакт, выражаемый рассматриваемыми сочетаниями, передает разные смыслы. В предложении (919) *Теперь пассажиры сидели тесно, голова к голове* <...> (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок) фразеологический оборот *сидеть голова к голове* обозначает отсутствие свободного пространства между людьми. В предложении (920) *А они сидели в глубине коридора, у стенки, <...> сидели плотно, голова к голове, и о чем-то увлеченно говорили* (С. Лунгин. Виденное наяву) тот же оборот выражает вовлеченность людей в некоторое совместное дело и их заинтересованность в его успехе. А в предложении (921) *И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку, / И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку* (А. Галич. Красный треугольник) речь идет о дружеских и любовных отношениях.

Многие части тела, например живот, грудь, голова, в некоторых языковых единицах интерпретируются как «вместилища» (структурный признак), ср. выражения *урчат в животе* (живот здесь интерпретируется как область возникновения звука), *сердце бьется в груди*, а также фразеологизмы *набить живот, в голове не укладывается и не умещается в голове*. Последние два оборота отражают представление, согласно которому в голову может попадать некая информация, которая должна там какое-то время храниться («быть хранилищем и органом обработки информации»), и это функциональная характеристика головы. В голове такая информация размещается и обрабатывается. Одна часть информации отправляется на долгое хранение (ср. единицы *память, долговременная память*, которые обозначают невидимый орган и место, служащие для длительного хранения информации⁴⁵). Другая часть информации все время у человека «под рукой». Она хранится относительно недолго (ср. сочетание *кратковременная память*), не будучи отправленной в долговременное хранилище, постоянно актуализуется и используется, например, в непосредственном диалоге с собеседником. А третья часть информации, не сохранившись, как говорят, *выходит из головы, вылетает из головы*, ср. также фразеологизм *в одно ухо влетает, из другого вылетает*.

Рассматривая функциональные признаки соматического объекта, мы имеем в виду его назначение, участие в важных для человека и его жизнедеятельности процессах, возможность перемещаться или не перемещаться при совершении определенных действий и т. п. У головы, как было показано в §1 гл. III т. 1, основная функция – «думать», ср. фразеологические единицы *думать головой; голова / башка / котелок варит; с головой; иметь голову на плечах*. Напряженные размышления над какой-либо проблемой отражаются во фразеологизме *ломать*

⁴⁵ О двойной (а то и тройной, а именно орган, способность и место. – Авторы) языковой интерпретации памяти см. в книге (Урысон 2003).

голову (над чем-л.). Глаголом *ломать* здесь передаются серьезные умственные усилия человека, а голова предстает как носитель указанной функции, то есть как аппарат мышления, слишком интенсивное использование которого может привести к поломке.

Особую разновидность функциональных признаков образуют дисфункции – основные нарушения в «работе» телесных объектов (о них подробно см. §10 гл. II т. 1). Часто именно фразеологические сочетания, обозначающие дисфункции, позволяют обнаружить функции данного соматического объекта. Все три выделенных нами вида дисфункций – временные нарушения, постоянные болезни и отсутствие объекта – могут передаваться в разного рода устойчивых сочетаниях с именами соматических объектов и их признаков – коллокациях и идиомах. Ср. *язык онемел, застыть от испуга, не чуять ног* (выражения аномальных состояний), *сухой глаз, вдовый горб, грудная жаба, повредился в уме*⁴⁶ (идиоматические названия болезней), *У тебя что, глаз нет, что ли?; Чтoб у тебя язык отсох!* (актуализовано потенциальное отсутствие соответствующего объекта).

Интересно, что во фразеологизмах со словом *голова* представлены все три указанных вида нарушений. Во фразе *Он ринулся к ней сломя голову* речь идет о человеке, который в данный момент не думает, что делает, то есть фраза иллюстрирует временное нарушение нормального функционирования головы. Иногда во фразеологизмах представлена не временная дисфункция, а ее причина. Ср. выражение *закружило голову*, которое стоит в одном ряду с выражениями *голова кружится, человека завертело, закуружило*. Все эти единицы очень близки по функциям. Сходство между ними состоит в том, что, во-первых, каждая из них говорит о потере человеком или какими-то его телесными объектами способности нормально функционировать – двигаться, действовать, что-то делать, а во-вторых, что неспособность нормально функционировать бывает вызвана внешними силами (факторами), ср. *голова кружится от успехов*. Эти силы могут быть, в частности, неопределенными, ср. сочетания *<меня> закуружило, завертело, потерять голову* или, в редких случаях, потусторонними, ср. выражение *<меня> черти закуружили*. Последнее выражение имеет два понимания: сказочное – по сути дела буквальное, когда черти кружат человека в танце, и небуквальное, фразеологическое. Фразеологическое выражение *черти закуружили* означает, что такой человек не может контролировать ни свое тело в движении, ни свое поведение вообще.

Третий вид нарушений функций головы связан с тем, что голова плохо думает, то есть с ее актуальным болезненным состоянием или патологией (ср. *слаб на голову, больной/хромой на всю голову*). Интересно, что прилагательное *хромой*, в своем исходном значении характеризующее неспособность нормально ходить, в переносном значении используется как описание неспособности думать либо как интеллектуальная слабость, ср. использование глагола *хромать* в таких сочетаниях, как *хромать по математике, он хромает по всем предметам*, описывающих школьную и студенческую учебную деятельность. Свойства головы, отражающие ее неспособность хорошо думать, представлены также сочетаниями *пустая голова, дубовая голова, дурная голова* (ср. *дурная голова рукам/ногам покоя/покою не дает*).

Часто, однако, неспособность думать как функциональное свойство головы является производным от аномального внутреннего строения. Сообщается, что голова набита всем чем угодно, кроме мозгов, ума – основного органа мышления. По данным русской фразеологии голова может быть наполнена жидкой или вязкой и однородной субстанцией, ср. *каша в голове*, или мелкими и обильными отходами от деревообработки, ср. *опилки в голове*⁴⁷, *труха в голове*. Фразеологические соматизмы *каша в голове* и *опилки в голове*, несмотря на изофункциональность, обозначают несколько разные вещи, поскольку за словами *каша* и *опилки* стоят разные

⁴⁶ О том, что ум, как и душа, является телесным объектом в языковой картине мира, см. работу (Урысон 1994).

⁴⁷ Связь идеи дерева и древесности с мыслительной деятельностью человека, ср. *дуб, дубина стоеросовая, чурка, чурбан, пень* и др., отмечалась в литературе, см. (Крейдлин 1990; Березович 2007, 137–150).

представления. Каша – это вязкая однородная масса без какой-либо структуры, а потому пространство мысли, представленное как каша, невозможно структурировать. А опилки – это мелкие деревянные части, не образующие однородной сплошной массы; в отличие от каши, они мыслятся как разрозненные части с промежутками. Каша в голове мешает человеку разглядеть суть явления, выделить в нем главное – то, что нужно для понимания задачи или проблемы. Опилки в мозгу или вместо мозга, как и многие другие деревянные объекты, связаны с неспособностью человека хорошо думать – с глупостью. Иными словами, коннотации у единиц *опилки* и *каша*, проявляющиеся в рассматриваемых фразеологических соматизмах, разные.

Если человек, как полагает говорящий, думает не так, как должен был бы думать, то о нем говорят, что *У него тараканы в голове*. Часто такое суждение о человеке выводится исходя из его действий. Конечно, слово *тараканы* в этом фразеологизме не случайно, поскольку тараканы – это насекомые, которые тесно связаны с людьми и неприятны им.

Если данное выражение характеризует постоянное свойство человека, то фразеологизм *моча в голову ударила* передает временное помутнение, то есть неспособность человека в данный актуальный момент мыслить и действовать так, как нужно. Употребление слова *моча* здесь мотивировано именно характеристиками данной телесной жидкости. В отличие от крови, которая течет внутри тела в разных направлениях, моча всегда течет вниз и, кроме того, уносит с собой различные отходы организма. Фразеологизм подчеркивает смену направления движения мочи: она устремляется в орган мышления и приносит в этот орган некие объекты, мешающие думать⁴⁸. Происходит как бы отравление мозга, и потому голова не может выполнять свою основную функцию. Оппозиция функций мочи и головы является, кроме того, конкретной реализацией важнейшей семиотической оппозиции низа и верха, или низкого и высокого.

Не только дисфункция, но и основная функция головы – думать – тоже отражается во фразеологии, ср. сочетания *светлая голова*, *голова варит*, *иметь голову на плечах*, *с головой*. Отсутствие некоторых способностей передается в русском языке как отсутствие телесного объекта. Неумение делать что-то руками выражается прилагательным *безрукий*, неумение или нежелание чувствовать – прилагательным *бессердечный*, а неумение или нежелание думать – прилагательным *безголовый*. Если реально у человека нет руки, его тоже можно назвать *безруким*, но без сердца или без головы человек жить не может. Это означает, что неспособность чувствовать и думать, передаваемая как отсутствие головы, уподобляется полной деструкции человеческого организма. Отсутствие головы часто осмысливается метафорически как неумение или неспособность думать, то есть как неправильное думанье. Помимо слова *безголовый*, люди используют идиоматические выражения вида *У него нет своей головы на плечах* или иронически называют кого-то или что-то *всадником без головы* (см. название книги Ю. Мухина «Россия – всадник без головы»). Этим хотят сказать, что человек неумный или не способный думать самостоятельно, то есть думать правильно, так, как нужно. Неправильное думанье или неумение думать могут выражаться также при помощи тех фразеологических единиц, которые говорят не об отсутствии головы, а об отсутствии управляющего центра мыслительной деятельности, содержащегося в голове, ср. фразеологизм *без царя в голове*. Рассогласование целостной системы тела человека может также выражаться в русском языке при помощи фразеологических соматизмов со словом *голова*, ср. *не дружить с головой* – в этом случае имеется в виду, что голова функционирует отдельно от остальных соматических объектов и при этом неправильно думает. Если один человек говорит другому *Думай головой*, то это означает, что говорящий считает, что до данного момента адресат либо не думал вообще, либо

⁴⁸ Наряду с телесным объектом «моча» есть и другие нетелесные объекты, мешающие человеку думать. Это, в частности, *опилки*, *мусор* и *тараканы* (ср. *опилки в голове*, *мусор в голове*, *тараканы в голове*): когда они попадают в голову, голова плохо думает.

думал неправильно, и побуждает его использовать голову как максимально функционально предназначенный для этой деятельности соматический объект, ср. предложение (922) – *Ты же, совсем плохая, ты думай головой, мы же двух дней с тобой не проживем* (С. Солоух. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева). В обоих случаях неправильное думанье приводит к неправильному поведению.

Голова – настолько важный соматический объект, что не удивительно существование в языке метонимического (синекдотического) переноса с человека (целое) на голову (часть), причем этот перенос может быть по разным компонентам. Метонимический перенос широко представлен во фразеологии, ср. единицы *свалить с больной головы на здоровую* и *через голову*. Есть также сравнительно редко встречающиеся сочетания *с одной головы на другую*, *с головы на голову*. Кроме того, возможен перенос с аспектов жизнедеятельности человека на аспекты деятельности головы. О мыслительной деятельности головы мы уже говорили. Но возможен также перенос по компоненту «жизнь», ср. сочетания *лишиться головы* (в значении ‘лишиться жизни’), *голову оторву*. Выражение *голову оторву* – это угроза: реально лишить человека жизни таким способом, что бывает, например, в сказках, крайне сложно, и фразеологизм означает угрозу подвергнуть человека серьезному наказанию, уподобляемому лишению жизни. Перенос может быть и по компоненту «темперамент человека», который проявляется в поведении, ср. *шалая голова*, *ветреная голова*, *потерять голову*. Например, фразеологический соматизм *потерять голову* имеет два переносных значения (которые различаются, в частности, оценкой субъекта), и в обеих реализациях этих значений чувства, охватившие человека, настолько доминируют над мыслью, что мешают ему здраво думать и рассуждать. Так, можно *потерять голову* из-за негативного чувства, охватившего человека целиком, такого как, например, страх. Поведение субъекта, потерявшего голову из-за такого чувства, оценивается негативно как неадекватное. Но можно *потерять голову* от счастья или от любви, и в этом случае человек не способен ни думать нормально, ни вести себя в разных ситуациях так, как обычно ведут себя люди, не испытывающие в данный момент такого чувства. Поведение человека в этом случае оценивается либо нейтрально, либо позитивно.

Наряду с функцией «думать», то есть обрабатывать поступившую информацию, у головы, как мы уже говорили, есть и другая важная функция, связанная с еще одной рациональной когнитивной деятельностью, а именно «быть хранилищем информации». Голова может плохо выполнять и такую функцию, ср. уже упоминавшееся выражение *в одно ухо влетает, в другое вылетает*, а также фразеологизмы, в которых слово *голова* упомянуто эксплицитно, ср. *в голове не задерживается*, *из головы вон*. Думать и помнить часто легче, чем не думать и забыть, ср. известное выражение *Как тренировать память, чтобы научиться забывать?* На первый взгляд кажется, что языковых выражений, реализующих две когнитивные функции головы, суммарно больше, чем выражений, реализующих соответствующие им дисфункции.

Отметим еще одну особенность, относящуюся к функциональным признакам соматических объектов, – это связь функций и дисфункций объектов с их структурными признаками. Например, дисфункция головы, выраженная в неспособности думать, может, как мы показали, отражаться на поверхностном уровне через появление в голове посторонних объектов – опилок, тараканов, каши и т. п. Иными словами, дисфункция и функция головы здесь сопряжены с ее структурной особенностью, а именно с тем, что голова служит вместилищем для определенных объектов. Если эти объекты «правильные», то есть такие, которые положено иметь в голове, например ум или мозги, то голова функционирует хорошо, а если «неправильные», то плохо.

Сказанное верно и для других соматических объектов, например тех, которые, как и голова, имеют некоторую функционально нагруженную полость. Такая полость внутри соматического объекта играет важную роль в реализации его основной функции. Заметим, что часто и полость, и сам соматический объект называются в языке одинаково. Действительно,

говорить на ухо – это говорить, приближаясь ртом к ушному отверстию другого человека. Фраза *слова вылетели из рта* означает, что слова вылетели из ротового отверстия. А в таких свободных сочетаниях, как *повесить на ухо*, *родинка возле рта*, *синяк под глазом*, слова *ухо*, *рот* и *глаз* имеют значения, отличные от ‘полости’.

Как и в случае с головой, заполнение полости «неправильными» объектами приводит к дисфункции соответствующих частей тела, частей частей тела и др., причем к нарушению именно основной функции – той, что делает телесные объекты органами (слуха, речи, зрения), ср. выражения *уши ватой забиты*, *в ушах бананы*, то есть ‘уши не слышат’, *воды в рот набрать*, то есть ‘не говорить’, *в глаза как песку насыпали*, то есть ‘трудно видеть’. Для соматических объектов, которые по своей природе вместилищами не являются, но могут в некотором контексте интерпретироваться как вместилища и у которых какая-то функция тесно сопряжена с возможностью подобной интерпретации, существенно, какой величины объекты могут входить в такое вместилище. Например, основная функция руки – брать и удерживать предметы. Реализуется эта функция обхватыванием предмета пальцами с разных сторон, причем рука в этом случае интерпретируется как вместилище для обхватываемых предметов (в терминологии Л. Н. Иорданской данная информация является аспектом рассмотрения <говорящим> данной части тела⁴⁹). Ср., например, идиому *взять себя в руки* или образное свободное сочетание из «Бури» У. Шекспира в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник:

(923) *Фердинанд: ...Вот моя рука.*

Миранда: А вот моя; с ней – сердце.

3.4.2. Фразеологические соматизмы с именами частей частей тела

Хотя во многих отношениях имена частей частей тела по своим языковым свойствам отличаются от имен частей тела, анализ фразеологического материала показывает, что имена частей частей тела во фразеологических соматизмах ведут себя примерно так же, как имена частей тела. Прежде всего это касается проявления их физических и функциональных свойств. Однако у частей частей тела есть по меньшей мере один структурный признак, отличающий их от частей тела, – это как раз и «быть составной частью части тела».

Обладание этим признаком влечет за собой вопросы о существовании определенных семантических отношений между фразеологическими соматизмами в их семантической классификации. Например, есть ли в русском языке гипо-гиперонимические отношения между разными фразеологическими соматизмами? В частности, связаны ли таким отношением фразеологические соматизмы *поставить на голову* и *поставить на уши* в предложениях (924) *Он весь класс поставил на голову* и (925) *Как я и предполагал, как только мы с Ильей ушли, профессор поставил на уши всю больницу* (П. Волошина, Е. Кульков. Маруся)? К поставленному вопросу примыкают другие вопросы, ответы на которые мы тоже даем утвердительные. Это вопрос, имеются ли отношения квазисинонимии между двумя фразеологизмами с ковидовыми именами частей частей тела (ср. *брови на лоб полезли* и *глаза на лоб полезли*), и вопрос, бывают ли отношения антонимии или паронимии между фразеологическими соматизмами (ср. антонимичные сочетания *из первых рук* и *из вторых рук* и паронимические сочетания *опускать руки* и *распускать руки* или сочетания *в глубине души* и *до глубины души*). Что касается такого вопроса, как можно ли упорядочить фразеологические соматизмы по степени их семантической близости или сходства, вводя ту или иную меру близости (сходства), то и на него ответ тоже положительный.

Все эти вопросы относились к парадигматике фразеологических соматизмов. Есть, впрочем, по меньшей мере один важный вопрос, относящийся к их синтагматике, то есть к отношениям, возникающим между фразеологическими соматизмами в тексте. Его можно сформули-

⁴⁹ См. (Иорданская 2004, 397).

ровать как вопрос о возможности *гесп.* невозможности контекстной заменимости имени части соматического объекта на имя самого объекта и наоборот – с сохранением смысла исходного фразеологизма и не выходя за пределы множества фразеологических единиц данного языка. В частности, можно ли объяснить, почему предложения *Он погрозил ей пальцем* и *Он погрозил ей кулаком* не синонимичны (то есть *палец* и *кулак* не взаимозаменяемы), а предложения *Они взяли его за горло* и *Они взяли его за глотку* синонимичны⁵⁰.

Ответы на эти и подобные вопросы являются частью сложной проблемы описания метонимических (синекдотических) отношений на множестве фразеологических соматизмов и, шире, фразеологизмов вообще: какие метонимические замены обеспечивают их синонимию, а какие нет.

Интересно, что иногда входящие во фразеологические единицы имена частей частей тела практически никак не проявляют своих основных значений. Так, у носа основная функция – служить органом обоняния, однако во фразеологических соматизмах нос больше связывается с представлением о выступающей наружу части лица, ср. такие единицы, как *не видеть дальше собственного носа*, *под носом*, *бурчать под нос*, *из-под носа*, *нос к носу*, *задирать нос*, *вешать нос*, *совать нос не в свое дело*, *водить за нос*. В отличие от носа, у другой части лица – языка – во фразеологизмах актуализована как раз основная функция, а именно быть органом говорения, см. выражения *язык без костей*, *язык до Киева доведет*, *распускать язык*, *болтать языком*, *язык хорошо подвешен*, *язык заплетается*, *держат язык за зубами*, *прикусить язык*, *проглотить язык*, *язык прилип к гортани*, *тянуть за язык*, *еле ворочать языком*.

3.5. Фразеологические соматизмы и жесты

Ниже мы рассмотрим некоторые соотношения между единицами двух разных знаковых систем, весьма прочные и многоплановые, и обратимся прежде всего к **жестовым фразеологизмам**.

Разные культуры находят в человеческом теле некую особую **форму своего воплощения** – можно даже сказать, что целый ряд аспектов культуры отражается в **плоти тела**. Телесное воплощение как отображение системы культурных ценностей ни для одной области языка не имеет такого непосредственного отображения, как для сферы фразеологии. Именно во фразеологии мы находим отражение многих свойств жестов.

Сопоставление русских жестов и жестовых фразеологизмов, то есть, фактически, внутренний перевод элементов одной знаковой системы в другую, позволяет описать процесс превращения тела как физической, природной материи в тело как носителя атрибутов русской культуры. Этот процесс в невербальной семиотике получил название **окультуривание тела**.

В сферу пристального внимания исследователей фразеологии этот процесс попал относительно недавно, и связано это с тем, что только в последнее время лингвисты и специалисты-семиотики стали уделять жестам и другим телесным знакам большое внимание.

Каждая культура является хранилищем своего собственного, присущего исключительно ей репертуара основных значений, которые настолько важны для нее, что постоянно и регулярно воспроизводятся в текстах культуры вербально или невербально. Хорошо известно, какое значение придают **поклонам** японцы, своеобразным **объятиям** *hug*-ам или таким зна-

⁵⁰ Фразеологические соматизмы *погрозить кому-то кулаком* и *взять кого-то за горло* широко используются в политических текстах, см., например, предложения (926) *Порошенко приехал на границу Южной Осетии и погрозил оттуда России кулаком* (сайт www.gia.ru) и (927) *Белый дом взял Россию за горло* (сайт www.topwar.ru).

кам-позам, как **сидеть, вытянув вперед ноги**, – американцы, а приветственным **похлопываниям** – турки и итальянцы. Для греческой, еврейской (ашкеназской) и итальянской культур типичен жест **разводить руками**, хотя каноническое исполнение жеста в каждой из этих культур свое.

Фразеологизмы не являются чем-то застывшим. По этой причине и говорят только об их относительной устойчивости. Дело в том, что в речи эти, вообще говоря, клишированные единицы могут разрушаться, ср., помимо некоторых глагольных фразеологизмов, приведенных выше, такое, например, варьирование, как: *пятая, седьмая, десятая, ...сотая* и т. д. *спища в колеснице*. Впрочем, многие лингвисты не считают подобную вариативность разрушением фразеологизма.

Жесты тоже вариативны, во всяком случае, это относится к их физической реализации. Поэтому сопоставлять фразеологические единицы и жесты интереснее всего в их смысловых аспектах.

При сопоставлении семантики жестов и фразеологизмов мы придерживаемся определенных теоретических допущений и методологических установок. По возможности максимально кратко мы их сейчас сформулируем и прокомментируем.

(а) Реальной основой для смыслового сопоставления единиц любых двух знаковых кодов является единый для этих кодов семантический метаязык, под которым мы имеем в виду единую систему смыслового описания единиц языка и невербальных знаковых кодов.

Применительно к естественному языку, а точнее, к разным естественным языкам это положение было впервые сформулировано в рамках Московской и Польской семантических школ, см., например, (Апресян 1974/1995; Wierzbicka 1995). Мы распространяем его также и на невербальные знаковые коды, поскольку очевидно, что только на едином и прочном семантическом фундаменте можно достичь желательного сопоставления невербальных и вербальных знаковых систем.

(б) Семантический метаязык должен отражать познавательные и мыслительные установки человека, являющегося носителем вербального и соответствующего ему невербального языков. Сказанное означает, что в качестве единиц метаязыка не могут выступать смысловые ярлыки типа «жесты приветствия» или «идиомы эмоционального состояния». Такие ярлыки служат не более чем именами классов телесных единиц или именами классов фразеологизмов, но они не раскрывают внутренние смысловые структуры этих единиц. Ведь и жесты приветствия, и идиомы эмоционального состояния имеют свои значения, и отдельные жесты приветствия, например, вовсе не являются точными синонимами.

(в) Предполагается, что выражения семантического метаязыка должны эксплицитно и сравнительно просто отражать наивную картину мира, его образ. Они также должны включать в себя изобразительные, слуховые и иные компоненты, определяющие в совокупности семантическое представление словесных и несловесных знаков.

(г) Разные телесные объекты в разных культурах связаны с разными когнитивными, то есть познавательными, и эмоциональными компонентами. Например, в русской культуре смысл 'наказание' закреплен в основном за задней частью тела, ср. жесты и слова *подзатыльник, надавать по попе, отшлепать* и др., смысл 'человеческая привязанность, любовь' – за губами, а смысл 'свобода телесного поведения', вплоть до 'развязности' – за корпусом и ногами. Между тем в культуре народа тапиока, или вай-вай (это один из народов, населяющих Южную Америку), смысл 'любовь' закреплен за носом. Смыслы 'любовь', 'уважение' и 'установление тесного контакта' передаются в этой культуре невербально, а именно через касание носом некоторых частей тела другого человека или частей таких частей – его носа, запястья, колена (см. (Fock 1963)).

Теперь приведем примеры сопоставления конкретных русских жестов и соответствующих им жестовых фразеологизмов.

Начнем с жестов и фразеологизмов с адапторами (об адапторах и их видах см. §2 гл. III т. 1). Адапторы тела содержат, например, жест **похлопать по плечу** (адаптор тела – плечо), жест **ударить по рукам** и фразеологизм *ударить по рукам* (адаптор тела – рука адресата). Примерами вербальных и невербальных знаков с адапторами-объектами являются жест **хлопать дверью** и фразеологизм *хлопать дверью*, жест **стучать пальцами по столу**, фразеологизмы *плевать в потолок*, *биться головой о стену*, *бить челом*.

При семантическом сопоставлении жестов и фразеологизмов, содержащих адапторы, легче всего увидеть многие важные особенности процесса окультуривания материального объекта.

Приведем сначала значение эмоционального эмблематического жеста с адаптором *дверь*, то есть значение жеста **хлопнуть дверью**, а потом значение соответствующего жестового фразеологизма.

Прежде всего отметим, что слово *дверь* выступает здесь в значении объекта, который закрывает отверстие в стене, служащее для входа в помещение и выхода из него, ср. предложение (928) *Он хлопнул дверью и ушел* (или: *Ушел, хлопнув дверью*), а не в значении ‘отверстия в стене’, как в предложении *Он стоял в дверях*. Кроме того, действие *хлопнуть дверью* совершается в реальном или мысленном присутствии некоторого лица Y, на которое это действие направлено. Наконец, фразеологизм *хлопнуть дверью* в обоих значениях часто сопровождается определенными глаголами движения (*уйти, выйти, выбежать* и т. п.).

Итак, **X хлопнул дверью 1** (в присутствии лица Y) =
<пресуппозиция>

в течение некоторого времени имела место ситуация, в которой люди X и Y высказывали свое мнение об этой ситуации или каком-то объекте в ней, причем каждый из них хотел убедить другого в своей правоте;

спустя некоторое время, которое человек X считает достаточно большим для того, чтобы человек Y мог понять, что X прав, X начал думать, что все приводимые им доводы верны, а доводы Y-а – ложные, и потому он более не хотел убеждать Y-а изменить свое мнение;

<ассерция>

считая, что дальше вести какой-либо разговор с Y-ом бессмысленно по причине полного нежелания или неспособности его понять не только что X прав, но и что-либо вообще (= Y глупый или очень глупый), X начал испытывать от этого очень злое чувство к Y-у и выразил его следующим способом: он ушел, демонстративно громко хлопнув дверью, показывая тем самым, что не хочет больше иметь никаких контактов с Y-ом, Y как бы перестает для него существовать’.

Прокомментируем это сложное и развернутое толкование.

(а) Конфликтная ситуация, описываемая фразеологизмом *хлопнуть дверью 1*, заключается в относительно длительном противоборстве мнений двух человек по поводу некоторой ситуации или объекта. Человек X считает, что все его доводы разумны, а человек Y, «спорщик», либо не хочет их принять, либо не может принять в силу своей глупости. В конце концов первый человек злится на второго и в одностороннем порядке прекращает спор.

(б) Роль адаптора – двери – проявляется только на заключительном этапе напряженного разговора между человеком X и человеком Y. С одной стороны, дверь является местом, через которое совершается уход X-а, не выдержавшего глупости (глупого упрямства) и тупости Y-а (то есть неспособности Y-а к пониманию) или сознательного нежелания человека Y признать правоту человека X. Конкретное телесное действие, совершаемое X-ом (*уходит, хлопнув дверью*), метафорически осмысливается как разрыв отношений между X и Y; ср. предложение *Она от меня ушла* и название книги Б. Мейлаха «*Уход и смерть Льва Толстого*», где физическое действие осмысливается как психологическое.

(в) При переходе от жеста **хлопать дверью** к соответствующему жестовому фразеологизму происходит символическое превращение жеста как знакового физического действия тела в культурный и языковой элемент. Во фразеологизме *хлопать дверью*, как мы чуть позже увидим, телесность – суть жеста – уходит на задний план, а на передний план выходят смысловые компоненты, определяющие психологическую и культурную функции жеста.

(г) С использованием, как здесь, нескольких адапторов, участвующих в выполнении определенных жестов, связано одно важное в культурном и семантическом отношении явление – это появление в акте коммуникации неязыковых звуков.

Когда хлопают дверью, возникает звук резкий по силе и кратковременный по длительности, напоминающий звук при разрыве твердых предметов или взрыве, то есть звук, сопровождающий уничтожение целостной структуры объекта (звук при разрыве) либо уничтожение самого объекта (звук при взрыве). Обе указанные ассоциации присутствуют в интерпретации адаптора в составе описываемого жеста.

Посмотрим теперь, как выглядит толкование соответствующего фразеологизма.

X хлопнул дверью 2 =

<пресуппозиция>

человек *X* связан с человеком или учреждением *Y* некоторым институционализированным (то есть оформленным по социальным правилам или законам) отношением *q*;

X в соответствии с отношением *q* должен иметь некоторые права;

X считает, что его права ущемлены (= *X* имеет меньше прав, чем должен иметь согласно *q*);

по прошествии некоторого времени *T*, которое *X* считает достаточно большим для того, чтобы *Y* мог понять, что *X* должен получить права *P*, *X* начинает думать, что все его усилия, направленные на это, не могут далее убедить *Y*-а предоставить ему эти права;

<ассерция>

считая, что дальше продолжать находиться с *Y*-ом не только в отношении *q*, но и в любом другом отношении бессмысленно по причине полного нежелания или неспособности *Y*-а понять, что *X*-у положено иметь права в соответствии с отношением *q*, равно как и по причине нежелания или неспособности *Y*-а соблюдать вообще какие-либо социальные правила и законы, *X* начал испытывать от этого очень злое чувство к *Y*-у и выразил это чувство следующим способом: *X* демонстративно, как бы хлопая дверью 1, прервал с *Y*-ом всякие отношения, так, что *Y* как бы перестает для него существовать’.

У фразеологизма *хлопнуть дверью 2* есть два контекста употребления.

Один из них связан с «долготерпением» человека *X*, то есть:

X в течение некоторого времени *T* предпринимал усилия к тому, чтобы получить от *Y*-а то, что ему положено по праву; по прошествии этого времени, которое *X* считает достаточно большим для того, чтобы *Y* мог понять, что *X* должен получить права согласно *q*, *X* начинает думать, что все его усилия, направленные на это, не могут далее убедить *Y*-а предоставить ему эти права.

Ср. предложение (929) *Ему в очередной раз не дали премию, хотя он очень много и плодотворно работал, чтобы ее получить. Он не выдержал и ушел, хлопнув дверью.*

Второй контекст употребления фразеологизма *хлопнуть дверью 2* – так сказать, контекст мгновенного решения, ср. предложение (930) *Его понизили – и он тотчас же ушел из института, хлопнув дверью.* Здесь и в подобных предложениях никаких предварительных усилий со стороны человека не было: решение было принято мгновенно.

Сопоставим тексты двух приведенных толкований.

1. Толкование жеста **хлопнуть дверью 1** описывает актуальную ситуацию общения и подчеркивает перформативную (нацеленную на совершение действия) природу жеста.

Между тем толкование фразеологизма *хлопать дверью* 2 представляет собой описание действий человека X. Поэтому данный оборот является не перформативной, а интерпретативной языковой единицей. В самом деле, за действиями лица X, о котором идет речь в толковании, не стоят никакие конкретные действия (действиями X-а, прерывающего контакт, могут быть реальный уход из учреждения, уход из семьи, никак социально не оформляемый, и даже просто прерывание разговора с последующим выходом из помещения).

2. Существенно, что всякий раз действие человека X осуществляется демонстративным способом, а именно X, хлопаящий дверью, производит социальный шум, ср. аналогию со звуком, который возникает, когда человек уходит, действительно хлопая дверью.

3. При сопоставлении толкований жеста и соответствующего ему жестового фразеологизма выявляется процесс превращения конкретного физического действия, каковым является жест, в действие социокультурное. С одной стороны, имеет место **генерализация**, то есть физический контакт человека X с человеком Y, происходящий в данном (конкретном) акте коммуникации, возводится до уровня социального контакта человека X с учреждением или представляющим его лицом Y. С другой стороны, индивидуальное превращается в социальное: частные мнения лица X о собственной правоте и неправоте другого лица, Y, превращаются в устанавливаемые данным обществом права частного лица, нарушаемые Y-ом.

4. Наконец, реальное хлопанье дверью и извлечение звука, то есть действие материального тела, «окультуривается»: человек совершает некие демонстративные действия, означающие прерывание контакта, а именно те, которые обычно осуществляются в данной культуре людьми, прерывающими социальный контакт и, что очень важно, желающими продемонстрировать это окружающим.

Итак, смысловая связь между двумя знаками – жестом и построенным на его основе фразеологизмом – отражается здесь как в общих семантических компонентах толкования, так и в определенных когнитивных операциях, осуществляемых над толкованием жеста.

Кроме того, жест и фразеологизм связываются один с другим посредством смыслового элемента ‘как бы’, присутствующего в толкованиях единиц на правах связующего элемента, напоминающего об их общей внутренней форме и имеющего в толковании двоякую роль. С помощью этого элемента подчеркивается, во-первых, ассоциативное сходство физического и социального ухода, а во-вторых, способ, каковым оба эти ухода маркируются, – звук, демонстративное поведение и полное исчезновение X-а для Y-а.

Мы показали, как может быть осуществлено сравнительное описание жестовой и фразеологической единиц и как может фиксироваться интуитивно ощущаемая семантическая связь между ними. Не следует, однако, думать, что механизм установления и обозначения семантической связи будет одним и тем же для каждой сопоставляемой пары.

В случае с сочетанием *хлопать дверью* связь очень прочная. Она, если так можно выразиться, двойная: во-первых, в этом случае жест и фразеологизм имеют большое число общих семантических элементов, а во-вторых, они связаны ассоциативной связью. Но так бывает далеко не всегда.

Например, ассоциативной связи может не быть, а смысл жеста целиком входит в смысл соответствующего ему фразеологического соматизма. Обратимся к мимическому жесту **широко открытые глаза**. В русском языке есть целая группа фразеологических соматизмов, например *делать огромные/круглые/страшные глаза*, смысловая структура которых полностью включает в себя смысл указанного жеста, тогда как ассоциативной связи между жестом **широко открытые глаза** и выражением *широко открытые глаза* может не быть. Предложе-

ние (931) – *Признаться честно, тогда я это слушала с широко открытыми глазами, – вступает в разговор Виктория Валентиновна* (Н. Вылегжанина. Семья) иллюстрирует тот случай, когда жеста может не быть.

Возможна и другая ситуация. Языковая форма фразеологизма совпадает с формой (планом выражения) некоторой невербальной единицы, а их значения если и имеют общие смысловые компоненты, то только тривиальные. Рассмотрим такой пример. В русском языке тела есть «жест-дразнилка» **показать язык**, у которого имеются и другие языковые имена, синонимичные языковому сочетанию *показать язык*. Это потребление фразеологического соматизма в предложении (932) *Но сыновья мои большие любители, и когда кинофестиваль, бегают по Москве высунув язык и меня тащат <...>* (А. Рыбаков. Тяжелый песок) и описание жеста в ситуации в предложении (933) *Выглянувшем из ворот сестрам Фома показал язык и побежал дальше* (Е. Водолазкин. Лавр).

Приведем еще несколько нетривиальных примеров когнитивных, связанных с параллельным сопоставительным анализом жестов и фразеологизмов.

1. Рассмотрим, например, единицу «чесать в затылке».

Чесать в затылке – жест:

Х чешет в затылке = ‘получив новую информацию, которую жестикулирующий Х воспринимает как имеющую к нему отношение и побуждающую его к некоторым действиям, Х испытывает затруднения в осмыслении ситуации или в выборе плана дальнейших действий’.

Чесать в затылке – жестовый фразеологизм:

Х чешет в затылке = ‘Х, сталкиваясь с ситуацией, в которой он должен принять активное участие и ее разрешить, не делает того, что должен был бы в этот момент сделать в связи с этой ситуацией, то есть *медлит*’ (см. также жестовый фразеологизм *Х чешет языком* (или: *языками*) со значением ‘Х говорит, вместо того чтобы сделать что-либо полезное или важное’). Такое положение дел описывается в предложении (934) *Шумят, суетятся, а в итоге чешут в затылке и повторяют – ну ладно, может быть, в следующий раз повезет* (А. Геласимов. Рахиль): здесь люди, вместо того чтобы действовать так, как следовало бы, *шумят, суетятся и чешут в затылке*.

Определения жестовых фразеологизмов *чесать в затылке* и *чесать языком*, а также жеста, соответствующего фразеологизму *чесать в затылке*, отражают культурные стереотипы русской наивной логики человека, а именно бытующие и проявляющиеся в русском языке представления о том, что «думать – вещь бесполезная», «думать – это не то, что действовать» и «говорить – не значит делать что-то важное».

В иллюстрируемом данными примерами случае связь между значением жеста и значением фразеологизма – это связь коннотативного типа.

2. Процесс идиоматизации от жеста к фразеологической единице может идти и по-другому, а именно не через обретение коннотаций, а путем изменения смысла, отражающегося в изменении поверхностной формы номинации. Поясним, что мы имеем в виду.

Номинация жеста **махнуть рукой** представляет собой глагольное сочетание, называющее конкретную ситуацию. Добавляя актант, скажем *на Петю*, мы получаем выражение *махнул рукой на Петю*, которое открывает уже возможность двойного осмысления – и в качестве жеста, и в качестве фразеологизма. При другом заполнении объектной валентности – *махнул рукой на все* – сочетание воспринимается только как фразеологическое.

Аналогично, из жеста **окинуть глазами (взором)** при особом заполнении его второй валентности именной группой типа *<все> прожитые дни*, когда в буквальном, то есть физическом, смысле видеть объекты мы не можем, мы получаем фразы типа (935) *Алеша последний раз окинул взором все прожитые дни*, где *окинул взором* – это фразеологический соматизм.

Возможен и другой способ генерализации ситуации, а именно опущение актанта, участника ситуации. В предложении (936) *Ну что, работать будем или строить глазки?* фразео-

логическое сочетание *строить глазки* явно связано с жестом **строить кому-то глазки 1**⁵¹, и смысл фразеологического сочетания может быть описан так: *X строит глазки 2* = 'вместо того чтобы выполнять то полезное, что ему надлежит, человек X занят чем-то несущественным и бесполезным, как если бы **строил кому-то глазки 1**'.

3. Процессы генерализации чрезвычайно характерны для «превращения» жестов во фразеологизмы. Однако для симптоматических эмблем⁵², то есть таких, у которых номинация не содержит глагольных лексем, несущих информацию о намеренном действии жестикулирующего человека, соответствие между жестом и фразеологизмом, как правило, иное. А именно, эмоция, стоящая за жестом, закрепляется не только за его номинацией, но и за фразеологизмом. Говоря собеседнику *Не делай большие глаза*, говорящий хочет также, чтобы адресат не производил жест, а не только и даже не столько чтобы тот не испытывал, скажем, эмоцию удивления.

Толкование мимического жеста **делать большие глаза** выглядит, на наш взгляд, следующим образом:

<Человек> X сделал большие глаза <по поводу Р>, или **X широко открыл глаза <по поводу Р>** = 'размер глаз человека X стал больше нормы, что свидетельствует о том, что человек X очень удивлен тем, что имеет место Р, не понимает, что происходит, или очень испуган происходящим Р'.

А толкование фразеологического соматизма (он же – жестовый фразеологизм) будет таким:

X сделал большие глаза <по поводу Р> = 'человек X очень удивлен тем, что имеет место Р, не понимает, что происходит, или испуган происходящим Р; от этого выражение лица у X такое, какое бывает, когда **X сделал большие глаза**'.

Ситуация, которая описывается данным фразеологическим соматизмом, представлена в предложении (937): *Я у кого-то спросил наконец, кто этот человек. Спрошенный сделал большие глаза: – Как, вы не знаете?* (Н. Суханов. Записки о революции). В этом примере поведение субъекта вызвано непониманием того, как можно данного человека не знать.

Комментарии и примеры

1. Рассматриваемый фразеологизм имеет интерпретирующее значение, то есть на самом деле передает только то, что из-за испытываемых чувств выражение лица у человека X изменилось и приобрело именно такой вид; реально же с глазами человека могло, вообще говоря, ничего не происходить.

2. Помимо фразеологизма *X сделал большие глаза*, в русском языке есть близкие ему фразеологизмы, например *У X-а большие глаза*, см. текст (938) – *Сомневаюсь, что это были наши сотрудники, что они стали бы заниматься какими-то машинами, – заявил официальный представитель свердловского УФСБ. – Как обычно, у всех большие глаза от страха, когда спрашивают, кто приходил – «естественно, ФСБ». Но если это и были наши сотрудники, то они действовали в рамках законодательства и решали свои оперативные задачи* (Новостной сайт www.ura.ru) – поведение субъекта вызвано страхом.

Еще два фразеологизма той же группы представлены предложениями (939) *Города удивляют своим ухоженным видом и количеством статуй только гостей. <...> Вопрос типа «зачем так много статуй?» нарывается на большие глаза и встречный вопрос «разве много?»* (газета «Московский комсомолец») и (940) *Откуда ты? – Он смотрел на нее большими глазами. – Ты уже приехала?*

⁵¹ Жестовая лексема **строить глазки 1** описывает модель глазного поведения и используется в бытовой коммуникации как элемент флирта.

⁵² Под симптоматической эмблемой понимается эмблематический жест, который отображает текущее эмоциональное состояние жестикулирующего.

3. Близкие к рассмотренным жест **делать круглые глаза** и фразеологический соматизм *делать круглые глаза* отличаются тем, что в них акцентируются изменение формы, а не размера глаз. Сопутствующими жестами для невербальных знаков **делать большие глаза** и **делать круглые глаза** будут поднятие бровей с возможным одновременным выдвиганием головы вперед и втягиванием головы в плечи.

В еще одной жестовой лексеме того же лексикографического типа **делать страшные глаза 1** семантический сдвиг происходит по обозначению выражаемой эмоции страха, а у жестовой лексемы **делать страшные глаза 2 <перед Y по поводу P>** значение уже не, так сказать, 'испугаться', а 'напугать', а именно, это значение '(1) человек X **делает большие глаза**, желая испугать человека Y; (2) для этого X смотрит прямо на Y неподвижным взглядом, показывая, что испуган некоторой ситуацией или объектом, и желая вызвать у Y такую же реакцию на эту ситуацию (объект)'. Ср. предложение (941) *Не делай такие страшные глаза, я все равно тебя не боюсь!* (Р. Зеленая. Разрозненные страницы).

В заключение данного раздела посмотрим, какие признаки (вместе с их значениями) присутствуют в структуре жестовых фразеологизмов.

Начнем с частей тела и частей частей тела. Например, в идиомах *иметь голову на плечах* и *потерять голову* актуализуются соответственно структурные признаки «соположение соматических объектов» и «неотчуждаемость».

Во фразеологизме *руки по локоть в крови* отображается структурный признак «членимость руки». В русском языке одним и тем же словом *рука*, в отличие, например, от английского, немецкого или французского языка, называются два разных объекта. Один – это часть тела от запястья до кончиков пальцев (другое название того же объекта – *кисть*), другой – часть тела от плеча до кончиков пальцев; тем самым первый объект является частью второго. Буквальное понимание выражения *руки по локоть в крови* предполагает, что кровью запачкана часть руки (слово *рука* здесь выступает в своем втором значении), а единица *по локоть* фиксирует уровень членимости руки; здесь *рука* и *локоть* связаны структурным отношением членимости.

В выражении *перечесать по пальцам одной руки* фиксируется еще одно структурное, а именно мерееологическое (часть – целое) соотношение между двумя соматическими объектами. В жестовом фразеологизме *делать круглые глаза* отображается форма глаз, а в квазисинонимичном ему выражении *делать большие глаза* – размер глаз. В смысловых структурах оборотов *рот до ушей* и *руки-крюки* отражаются соответственно признаки «форма рта» и «форма рук». А в единицах *рот до ушей* и *разинуть варежку* отображаются как форма, так и размер рта.

В выражениях *с головы до ног*, *с головы до пят* и *с ног до головы* части тела представлены как ограничители самого тела, то есть фиксируется размер тела. В выражении *увязнуть по самые уши* образная компонента говорит о том, что единица *по уши* фиксирует уровень членимости тела и тем самым указывает на сам признак «членимость тела». Интересно, что здесь, во-первых, речь идет о размерах тела от ног до ушей (само слово *ноги*, впрочем, во фразеологизме отсутствует), а во-вторых, этот размер мыслится как 'большой'.

В предложении (942) *Заливаемые водой, пробежали перед моими глазами низкие избы со слепыми окошками, покрывшаяся гусиной кожей река, бревенчатый мост, мальчик с удочкой...* (И. Муравьева. Документальные съемки) выражение *покрыться гусиной кожей*, характеризующее реку, является метафорой, отражающей физический признак «текстура», а во фразеологизмах *стучать зубами*, *скрипеть зубами* и *на сердце кошки скребут* отображаются признаки «боль» (ср. предложение (943) *Юрик зажимал рукой рану и скрипел зубами* (М. Трауб. Ласточ...ка)) и «звучание» (ср. предложение (944) *Какая-то неожиданная и ужасная хворь поразила его. Его затрясло, тело его наполнилось огнем, он стал стучать зубами и поминутно просить пить* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)). В первых двух случаях источ-

ником звучания являются зубы, а в третьем сердце является не источником, а местом производства имагинального звука (субъектом же, производящим этот звук, являются воображаемые кошки).

Разные функции соматических объектов представлены примерами таких фразеологизмов, как *выплакать все глаза, зуб даю, фига в кармане, держать язык за зубами*.

Подобный разбор примеров можно провести для внутренних органов, для телесных жидкостей, для костей и др.

В кругу жестовых фразеологизмов выделяется большой подкласс единиц, весьма любопытных с лингвистической и семиотической точек зрения. Это единицы, которые своей формой повествуют о телесных аномалиях. Один вид таких аномалий представлен примерами фразеологизмов *потерять голову, оставить рожки да ножки* и т. п., говорящими о том, что человек как бы лишается соматического объекта, без которого не может существовать, и примерами типа *семь потов сошло*, когда человек характеризуется как обладающий неким телесным объектом (в данном случае жидкостью – потом) в количестве, превышающем норму (реализация признака «избыточность»). Иными словами, этот вид жестовых фразеологизмов образуют фразеологические единицы, выражающие аномалии соматических объектов в их связи с обладателем этих объектов.

Другой вид является количественно большим по составу и более разнообразным в качественном отношении. Он включает в себя фразеологизмы, представляющие аномалии другого рода, а именно аномалии, связанные с теми или иными нарушениями норм проявления телесных признаков. Примерами таких фразеологических единиц являются выражения *волосатая лапа, каша в голове, чтоб глаза повылазили, пупок развяжется*.

Как это обычно бывает в естественном языке, во фразеологизмах, которые отражают телесные аномалии (сказанное относится к обоим видам аномалий), можно выявить и нормы функционирования какого-то признака соматического объекта, и нормы функционирования самого объекта.

Противопоставления по видам телесных аномалий можно распределить по разным группам. Так, по признаку «тип соматического объекта» выделяются фразеологизмы, передающие аномалии разных типов телесных объектов. Иными словами, выделяются фразеологизмы, передающие аномалии тела, ср. *кожа да кости*, передающие аномалии частей тела, ср. *рука не поднимается, голова не варит, ноги подгибаются*, аномалии частей частей тела. ср. *глаза на лоб полезли, рот до ушей*, аномалии органов, ср. *кишка тонка, сердце разрывается*, аномалии костей, ср. *сломать хребет*, аномалии телесных жидкостей, ср. *кровь леденеет, моча в голову ударила*, аномалии телесных покровов, ср. *почувствовать кожей, волосы встали дыбом* и др.

Получающиеся группы, конечно, количественно различаются. Аномалий, связанных с телом, частями тела и частями частей тела, намного больше, чем, например, аномалий костей или покровов. Кажется, что причину такого количественного расхождения можно увидеть в том, что первые видимы, зрительно воспринимаемы и хорошо освоены языком. Например, покровы разных типов – кожа, волосы и ногти, – хотя и видимые телесные объекты, недостаточно хорошо освоены русским языком, во всяком случае областью фразеологии.

В семантике словесных и жестовых единиц можно увидеть как национально своеобразные, так и универсальные моменты, а вербальные и невербальные системы разных языков имеют как общие, так и разные черты. Полные словарные описания всех жестов и всех жестовых фразеологизмов каждой культуры наряду с грамматикой их употребления позволят дать систематическое описание сходств и различий вербальных и невербальных единиц, что, несо-

мненно, поможет лучше понять действие всех механизмов, участвующих в мультимодальной коммуникации людей.

§4. Библейские соматизмы

4.1. Библейские соматизмы как языковые единицы

Значения некоторых языковых единиц организованы дизъюнктивно, то есть их толкования имеют вид 'А или В'. Так, дизъюнктивную организацию значения имеют некоторые русские глаголы, например процессуальные, типа *останавливаться*. Фраза *Автомобиль останавливается* означает, что скорость автомобиля с течением времени уменьшается или уменьшилась до нулевого значения, то есть автомобиль остановился. Иными словами, значение скорости автомобиля или соответствует какой-то неопределенной точке на шкале скоростей, или полностью совпадает с предельной точкой. Подобную дизъюнктивную организацию значения имеют также некоторые параметрические и даже отдельные непараметрические имена. Существительное *температура*, например, обозначает либо признак некоторого объекта, как во фразах (945) *Температура кипения воды – 100 градусов* или (946) *Нужно измерить температуру*, либо полюсное значение признака, как в предложении (947) *У него температура*, то есть 'высокая температура'. А словом *мелодия* обозначается либо 'последовательность тонов, растянутая во времени и обладающая благозвучностью', либо 'положительно оцениваемая благозвучность последовательности звуков, тонов и т. п.', ср. предложения (948) *И голос твой мне слышался впотьмах, Исполненный мелодии и ласки* (Н. Некрасов. Из поэмы «Мать») и (949) *Умом понимает, ритмы чувствует – кожей, но не знает, не представляет, что это: мелодия, гармония, наслаждение звучащего мира<...>* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын).

Все эти языковые факты и их возможные интерпретации давно и хорошо известны лингвистам. Менее известно то, что квалификации или оценки некоторого объекта (в частности, соматического) или значение какого-то его признака тоже дизъюнктивно распределены по подязыкам и жанрам. Покажем на двух примерах, что мы имеем в виду.

Ни слово *коса*, ни стоящий за ним женский соматический объект в бытовом русском языке и его текстах не несут никакой оценки (ср. предложение (950) *Марфушка сошла с печи, достала из закутка теплые катанки, обулась, плеснула в лицо холодной водицы, заплела косу и прошла в коморку Молчана* (Е. Богданов. Вьюга)), а в языке и текстах фольклора слово *коса* и его референт приобретают положительную окраску (ср. предложение (951) *Коса – девичья краса*). Прилагательное *белый*, характеризующее кожу в сочетании *белая кожа*, выражает значение признака /цвет кожи/, и в обычном языке, как правило, не несет положительной оценки, ср. предложение (952) *Вздутая белая кожа, припухлость лиц говорили о голоде, о цинге* (В. Шаламов. Колымские рассказы). А в фольклорном дискурсе белая кожа является, как и коса, символом женской красоты, ср. предложение (953) *Они сомыют с меня дивью красоту, /С ретива сердца тоску-кручинушку, /Со бела лица да горючи слезы. /Мне не смывать, да молодешеньке, /С ретива сердца тоску-кручинушку, /Со бела лица горючи слезы, – /Только я сомыю да дивью красоту* (В. Гусев. Лирика русской свадьбы). Эти факты о словах и их референтах тоже нуждаются в фиксации в словарных статьях соответствующих единиц.

Далее мы будем рассматривать особую группу библеизмов, а именно **библейские соматизмы**. Под **библейскими соматизмами** мы будем понимать не только языковые единицы, то есть отдельные слова, фразеологические сочетания и фразы, с именами телесных объектов, которые восходят по своему происхождению к Библии и «которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов»⁵³, но также жесты и их имена, как они представлены в библейских текстах. При этом в основном мы будем иметь дело

⁵³ Цит. по статье (Верещагин 1990).

с теми библейскими соматизмами, в составе которых имена соматических объектов позитивно окрашены.

4.2. Заповеди и человеческое тело

В библейской традиции основу морали составляют заповеди, понимаемые как ‘непреложные законы’. Их общее число 613, и считается, что это число совпадает с количеством соматических объектов (сведения о таком совпадении один из авторов настоящей монографии узнал в свое время из бесед о. Александра Меня) – *членов тела*, как их называют в религиозной литературе. О заповедях нередко говорят как о *ярме*, или *грузе*, *религиозных обязанностей*, которые благочестивый верующий должен неукоснительно исполнять, ср. предложение (954) *Переход в еврейство означает слияние с еврейским народом и принятие на себя ярма заповедей (обязательства их исполнять) с момента совершения гиюра* (Принятие гиюра / Сайт www.toldot.ru).

Среди библейских заповедей особенно выделяется группа, которую мы будем называть *этическими заповедями*. Прежде всего к ним относятся знаменитые десять заповедей, которые являются источником морали, воплощением морального добра и добродетелей. Зло и аморальность при этом обычно объясняются грехопадением человека.

Между тем в Библии есть немало заповедей, которые связаны с действиями (или недействиями) тела и других соматических объектов в отношении своего тела или тела другого человека. Эти *телесные*, или, иначе, *акциональные*, *заповеди* объединяет с этическими заповедями то, что они в своем подавляющем большинстве устанавливают правила и нормы взаимоотношений между людьми в разных ситуациях. При этом утрата по какой-то причине одного из членов тела считается мешающей выполнению одной или нескольких телесных заповедей. *Этические* заповеди призывают тратить телесные ресурсы, в частности, на помощь нуждающимся людям. Они призывают среди прочего раздавать им деньги, пищу, одежду, лечить их. Отдельные этические заповеди предписывают набожным людям выходить на улицу и созывать других на чтение вслух и изучение священного писания иудеев – Торы, строить шалаш (на иврите – *сукка*), чтобы исполнить заповедь «сидеть в сукке». Шалаш *сукка* – это основной атрибут праздника Суккот, который отмечают в память о сорокалетнем странствовании еврейского народа во главе с Моисеем по пустыне на пути из Египта и о приходе в Землю обетованную. Все эти годы евреи жили в шалашах, которые было легко разобрать и построить на новом месте. Заповедь «сидеть в сукке» означает, что благочестивый еврей должен, уединившись в шалаше, читать Тору и другие священные книги в память об этом событии, ср. фрагмент из Торы (книга Ваикра, гл. 23): «[и сказал Господь Моисею] В шалашах живите семь дней: всякий коренной житель в Израиле должен жить в шалаше – дабы знали во всех поколениях ваших, что в шалашах поселил Я сынов Израиля, когда выводил их из страны Египетской».

Телесные заповеди накладывают запрет евреям на всякого рода физическую работу в субботу или в Йом Кипур (день Искупления грехов), требуют совершать обряд обрезания⁵⁴ и др.

Так, одна из телесных заповедей относится к ситуации, когда требуется помочь спасти имущество ближнего, например освободить осла, подняв его вместе с грузом. Как говорится в Торе, «Если увидишь осла врага твоего лежащим под ношею своею, то не оставляй его» (Шемот 23: 5). Слово *осел* (*хамор* на иврите) и слово *материя* (*хамер*) – это в сущности одно и то же слово, указывающее на материальный аспект человека, а именно на его телесную

⁵⁴ Бог заповедовал обрезание Аврааму и всем его домочадцам мужского пола словами: «Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя <в роды их>: да будет у вас обрезан весь мужеский пол; обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамение завета между Мною и вами. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужского пола, <...> и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным. Необрезанный же мужского пола, который не обрежет крайней плоти своей <в восьмой день>, истребится душа та из народа своего, ибо он нарушил завет Мой» (Берейшит 17: 10–14).

оболочку, на тело человека. В письме Ю. М. Лотмана к Ф. С. Сонкиной можно прочесть такие строчки: «<...> даже Св. Франциск относился к нему (телу. – *Авторы*) с нежностью, называя „брат мой осел“. Что ж, пусть осел, пока может, несет свою ношу»⁵⁵.

Тело, в соответствии с библейскими текстами, – это дом, в котором обитает душа, но тело принадлежит не человеку, а Творцу. И если для благочестивого человека естественное существование на Земле – это служение Творцу (собственно, именно в этом для глубоко верующего человека и есть смысл земного существования), то тело и животное начало, неразрывно связанное с телом, стремятся удовлетворить личные, обычно просто эгоистические желания и жить лишь в свое удовольствие.

Библейская традиция предписывает человеку относиться к телу весьма бережно. Так, неразумным и неправильным считается изнурять его ненужными ограничениями и истязаниями. В Библии тело рассматривается как инструмент служения Богу, и об этом инструменте надлежит заботиться, не причиняя без необходимости вреда ни телу, ни своему здоровью.

В Ветхом и Новом Заветах в их переводах на русский язык тело человека нередко обозначается словом *плоть*. Если о многих других словах, являющихся синонимами слова *тело*, мы уже говорили в §3 гл. I т. 1, то слово *плоть*, как имеющее ограниченную, прежде всего религиозную сферу употребления, осталось тогда вне нашего внимания.

Плоть – это тело как брэнность и слабость человека, и в этом оценочном по своей природе значении *плоть* противопоставлена духу. Апостол Павел специально противопоставляет *земную и греховную плоть небесному духу*. Особенно ярко низкое телесное начало (заключенное в плоти) по сравнению с высоким духовным началом отражено в прилагательном *плотское* – слове едва ли не ругательном. Плотские помыслы и утехи человека сродни смерти, а духовные мысли – это «жизнь и мир». Так, Новый Завет учит, что только преодолевая плотское, человек начинает жить и живет во Христе (ср. Рим. 8: 2).

Служение Богу предполагает совместные усилия души и тела. Телом, каждой его частью и каждым органом человек должен служить Всевышнему. Многие комментаторы, объясняя это библейское положение, сходятся в том, что человек не должен причинять себе – и уж тем более другим людям – страданий, даже пассивным образом. Он не должен лишать ни себя, ни другого человека помощи. Например, человек ухаживает за больным или сам пользуется помощью, будучи немощным. Человек не должен также лишать ни себя, ни другого пищи, одежды, сна. Он не может продавать части тела и органы и даже завещать их на научные цели после смерти – ведь тело не принадлежит человеку. А женщина по той же причине не имеет права решать судьбу ребенка, которого вынашивает.

В ряде интерпретаций Библии говорится о том, что физические недостатки и телесные изъяны являются источником или следствием духовной ущербности. Впрочем, есть случаи, когда человек имеет законное право не оказывать помощи телу – ни своему, ни чужому.

Почтенному старцу, в случае если он всю жизнь живет по законам, предписанным Всевышним, вообще говоря, пристало отрешиться от всего материального, телесного, плотского и сконцентрироваться не на заботах о теле, а на духовном служении. Еще один случай связан с оказанием помощи другому. Так, если ты сам не проявляешь желания позаботиться о теле, об осле, чтобы, так сказать, *поднять его*, то зачем кто-то должен делать это вместо тебя?

Телесные заповеди, даже самые мелкие (*мицвот калют* на иврите), люди должны соблюдать неукоснительно (исключения из этого правила оговариваются особо). Малозначимые (на иврите буквально: *легкие*) заповеди, которыми человек часто пренебрегает – в Торе в этом месте используется соматизм, означающий на иврите буквально ‘попирает (или: пинает) пятой (пяткой)’, – требуют к себе внимательного и ответственного отношения. Отдаваться служению Богу следует целиком, *с головы до пят*, то есть от самой верхней до самой нижней части тела.

⁵⁵ Цит. по работе (Цивьян 2005, 42).

В другом еврейском тексте – Талмуде – тело имеет еще одно, ранее не описанное значение, а именно метафорическое. В этом тексте есть такое высказывание: *Тело следует за головой*, которое комментаторы обычно толкуют так: ‘народ следует за духовным лидером’.

Метафорически используются в Библии и Талмуде также глаголы восприятия. В Шемоте, или Исходе (20: 15), есть такие слова: «А весь народ видел громы и пламя, и звук шофара, и гору дымящуюся. И, как увидел народ, они вздрогнули и стали поодаль».

Здесь подчеркивается важность зрительного канала восприятия: во время дарования Торы у горы Синай люди видели то, что обычно слышат. Таким способом через сочетание привычных и непривычных модусов (модальностей) и каналов восприятия подается встреча с чудом: духовное и божественное становится реальностью. Недаром события, описываемые в этом месте текста, называют Откровением, или зримым присутствием Творца, то есть раскрытием Богом себя (в виде Божественного света) и своей воли людям.

4.3. Тело и телесные объекты в молитве

Обращение людей к Богу в разного типа речевых актах осуществляется разными головами (см. (Крейдлин 2002)). Для воплей, стонаний, плачей и причитаний, обращенных к Господу, характерен громкий голос, ср. (955) *И стонали сыны Израилевы от работы и вопиали, и вопль их от работы восшел к Богу. И услышал Бог стенание их, и вспомнил Бог завет Свой с Авраамом, Исааком и Иаковом* (Шемот 2: 23–24). Эмоции «вырываются» наружу и вместе с парязыковыми и речевыми звуками должны распространиться очень далеко – дойти до Неба, до ушей Всевышнего. *Шрай цум Гот* (идиш) ‘кричи к Богу’, говорили евреи.

Однако и тогда раздавались «беззвучные тихие стоны, безмолвный крик человека» (А. Мень, устная проповедь), то есть были слышны и тихие голоса. Внутренняя антиномия речевого акта молитвы, совмещающего в себе два противоположных начала – эмоциональное переживание, материализованное в мольбах и криках о боли и унижениях, о горе и страданиях, и вместе с этим чувственное и рациональное познание Бога, готовность служить Ему сердцем, – находит отражение в русском языке. Мы говорим не только *взывать к Всевышнему*; *Человеческое сердце вопиет к Богу*, но и *Она произносит негромкие слова молитвы*; *Он тихо молится*.

Если голос – это основное средство обращения к Богу в произносимой молитве, то сердце, душа, руки и глаза – это основные соматические объекты, активно участвующие в молитве. При этом в молитве у объектов сердце и душа, с одной стороны, и глаза, с другой, вообще говоря, разные ориентации: сердце и душа в своих порывах и устремлениях направлены вверх, а глаза по большей части смотрят вниз, их *опускают* в знак почитания Бога и смирения перед ним. Существует образное выражение, согласно которому жертвенник «стоит на земле, но опирается в небеса». Но библеизм *опустить глаза* – это не то же самое, что выражение *опустить глаза*, которое можно встретить в бытовом диалоге (о библеизме *опустить глаза* см. далее). В бытовом диалоге это жестовое движение и его языковое обозначение, направленные на прекращение нормативной фиксации глаз на партнере по диалогу (бытовое сочетание *опустить глаза* было подробно описано Т. В. Крыловой (Крылова 2010)).

Глаза во многих религиозных текстах обладают особой функцией по сравнению с функциями глаз в семиотических актах, типичных для бытовой сферы. Глаза выступают в роли посредника между внутренним миром человека и миром внешним по отношению к нему. При этом в жизни *сердце следует за глазами* (Иов. 31: 7), то есть действует следом за глазами, и потому одного взгляда уже достаточно, чтобы согрешить в своем сердце. Вот фрагмент комментария Иисуса из Нагорной проповеди к седьмой заповеди: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5: 29). Как увиденное глазами остав-

ляет след в душе и сердце человека, так и из глаз, так сказать в противоположном направлении, исходит свет внутреннего мира, ср. «Светильник телу твоему есть око твое» (Мф. 6: 22).

Глаза человека в библейских текстах являются носителями разных – и положительных, и отрицательных – качеств и, в отличие от нерелигиозных текстов, обращены преимущественно к внутреннему миру человека. Часто они указывают на разные отрицательные качества: на алчность (*ненасытные глаза* – Притч. 37: 20), похоть (*похотливые глаза* – 1 Ин. 2: 16), горе (*помутившиеся глаза* – Иов. 17: 7), злость (*злые глаза* – Втор. 15: 9) и на многие другие отрицательные качества и негативные состояния людей. В Мф. 20: 15 мы встречаем выражение *завистливый глаз*, которое тут обозначает то, что обычно называют *черной завистью* (в противопоставлении «хорошей» *белой зависти*), ср. <...> или *глаз твой завистлив от того, что я добр?*.

С другой стороны, глаза в Библии символизируют такие положительные качества, как стремление к знаниям (ср. *открытые глаза* – Быт. 3: 5,7), просто знания (ср. *просвещенные глаза* – Пс. 8: 9) или благополучие (ср. *просветлевшие глаза* – 1 Цар. 14: 27). Глаза являются символом помощи слепому, ср. *Я был глазами слепому и ногами хромому* (Иов. 29: 15).

Дары ослепляют глаза мудрых (Второзаконие 16: 19) – именно в такой синтаксической форме подается в Библии предупреждение, что не следует брать дары, если ты – представитель власти и от правильности твоего решения зависит судьба человека. А образным библейским соматизмом *сучок в глазу*, который употребляет Иисус в Нагорной проповеди, Всевышний выступает против лицемерия. А именно, Он говорит примерно следующее: прежде чем судить других, посмотри на себя, как ты ведешь себя сам. Выражение *сучок в глазу* напоминает рассмотренный выше фразеологизм *опилки в голове*: в обоих случаях посторонний предмет мешает выполнению основных функций телесного объекта.

Еще чаще, чем слова *глаз* и *глаза*, в русском переводе Библии употребляются слова *око* и *очи*. То, что нам дорого, мы *бережем как зеницу ока*, где *зеница ока* обозначает центральную часть глаза, его зрачок. Око по Библии – это своеобразный светильник для тела, ср.: «Светильник для тела – это око. Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф. 6: 22–23). *Божьи очи* пронизывают человека, видят его насквозь: *все открыто и обнажено перед очами Его* (Евр. 4: 13).

4.4. Жестовые библеизмы

Вернемся к акту молитвы и обратимся к некоторым **жестовым библейским соматизмам**, или **жестовым библеизмам**. В этих жестах, которые описываются разного рода языковыми единицами, участвуют такие выразительные соматические объекты, как тело, сердце, глаза, руки и ноги.

У христиан одна из самых выразительных молитвенных поз – поза **коленопреклонения** со значениями ‘смирения’, ‘покорности’, ‘поклонения’ и ‘покаяния’. Коленопреклонение – это не только поза, обозначающая невербальный акт поклонения и почитания, это также поза внутреннего созерцания. Стоят на коленях не только перед Богом: преклоняют колени, падают ниц и стоят на коленях многие святые люди во время видений. В иконографическом каноне XI–XII веков молитвенный акт отображался посредством позы коленопреклонения человека с руками, сложенными на груди или выше, у лица, и с прижатыми одна к другой ладонями. При этом глаза у человека были подняты вверх или опущены вниз. Сложенные вместе руки молящегося нередко изображались простирающимися вверх и обращенными к Богу и Небу, а начиная с XIII века на христианских иконах и полотнах руки со сложенными ладонями у человека в позе коленопреклонения могли изображаться также вытянутыми вперед (см. (Пасквинелли 2009)).

Направление взгляда в этих случаях шло параллельно рукам. Глаза, так же как руки и как вертикально вытянутое тело, покоящееся на коленях, устремлялись вверх, и тогда тело интерпретировалось как 'устремленное к Богу'. Или глаза опускались вниз, при этом тело со сложенными руками тоже склонялось вниз в низком поклоне до земли.

Таким образом, тело, глаза и руки в указанных положениях являются активными органами в физической реализации невербальных семиотических актов «воззвание к Всевышнему» и «выражение Ему благодарности». И руки, сложенные на груди, и склоненное вниз тело, и обращенные к земле глаза участвуют все вместе в реализации и других семиотических библейских актов – актов смирения и покорности.

Ветхий Завет запрещал изображение Бога, и в качестве эманации Бога выступала рука. В Библии так и говорится о *руке Бога*. Она символизирует Бога, Его власть и Его деятельность по отношению к людям, а именно защиту, покровительство, благословение и другие благодеяния. Рука Бога – это правая рука. На живописных полотнах с библейскими сюжетами рука Бога часто изображалась видимой, выступающей из облаков, обычно большой или даже огромной по размеру, с ладонью и пальцами, обращенными сверху вниз, как в акте благословения. А роль всюду проникающих *глаз Бога*, или, иначе, *очей Бога*, в иконографии играли льющиеся сверху световые лучи.

Как мы видим, библейские соматизмы обладают целым рядом особенностей, которые связаны не только с их семантикой и прагматикой, но также с оценочными характеристиками этих знаков и стоящих за ними оценочных невербальных и смешанных семиотических актов.

§5. Некоторые замечания о словообразовании имен соматических объектов

В этом небольшом разделе мы хотим отметить некоторые особенности номинаций соматических объектов женского и детского тела, а именно то, что они строятся по определенным словообразовательным моделям, базой для которых служат стандартные номинации таких объектов. Именно последние и представлены в лексикографических описаниях и словарях.

Репрезентация детского тела в русском языке обладает целым рядом отличительных черт по сравнению с представлением в русском языке взрослого тела. Так, детские руки могут быть названы *ручками* или *ручонками*, тогда как для взрослых такое название стилистически маркировано. Есть телесные объекты, которыми обладают малыши, а у взрослых они просто отсутствуют. Это, например, *складочки* (но не *складки*, от которых *складочки* формально производно) и *родничок*. Характеризуя такой детский соматический объект, как «пятки», их часто обозначают словом *пяточки*, а про объект «щеки младенца» часто говорят <толстенькие> *щечки*. Существуют особые детские прически, то есть собранные и уложенные определенным образом волосы. Так, типичными для девочек являются *косички* – формально и семантически достаточно сложно соотносимые с *косами*; так, в отличие от кос, косички, как правило, не бывают толстыми и длинными.

Наконец, некий соматический объект может присутствовать как в теле взрослого, так и в теле ребенка и иметь при этом одинаковые названия. Однако существуют различия либо в признаках соматического объекта для взрослого и детского тел, либо в значениях одного и того же признака. В качестве примера рассмотрим такой объект, как волосы на голове (см. подробнее §6 гл. III т. 1)⁵⁶. Волосы у маленьких детей могут называться *волосики*, а у еще более маленьких, в частности новорожденных, – *пушок*.

Часто стилистически нейтральные номинации соматических объектов у детей совпадают со стилистически маркированными именами тех же объектов у женщин. Эта своеобразная полисемия характерна для слова *головка* (см. об этом слове и его производных в §1 гл. II т. 1).

Похожим на слово *головка* образом устроен диминутив *личико*. Как мы уже говорили (там же), *личико* по отношению к взрослым мужчинам в норме не употребляется, но может применяться для описания женских лиц.

⁵⁶ Есть также волосы на теле, в частности на груди, в подмышках или лобковые волосы, но у маленьких детей в норме никаких таких волос нет.

§6. Невербальные ритуалы

6.1. Введение и постановка задачи

Во всяком обществе и, как полагал известный антрополог и этнограф, основатель этнолингвистической и антропологической школ в лингвистике Делл Хаймс, во всяком речевом коллективе (*speech community*)⁵⁷ определены нормы, правила и оценки коммуникативного поведения. Мы знаем, что считается правильным и что приличным, что этически нормативным и что эстетически красивым. Противоположные виды поведения признаются соответственно ненормативными, неприличными и некрасивыми.

Нормы, правила, квалификации и оценки коммуникативного поведения людей являются основными компонентами коммуникативной практики, которая получает формальное отражение в виде особых моделей. Особенностью моделей неречевого поведения является то, что они существенно опираются на сложившиеся в данном обществе представления о теле, телесных объектах и их свойствах. Строя такие модели, исследователь обычно указывает те телесные объекты и те их признаки (форму, размер, местоположение, функции, движения и др.), которые являются составной частью условий применимости соответствующих правил или запретов на применение таких правил (так называемых фильтров).

Телесность не только является организующим началом моделей невербального знакового поведения, но и определяет строение и содержание многих ритуалов. Такие ритуалы естественно назвать *невербальными*. Иными словами, под **невербальным ритуалом** мы будем понимать такой ритуал, который всецело основан на невербальных знаках или в котором невербальные знаки играют определяющую роль. Ритуал при этом понимается нами вполне традиционно, а именно как исторически сложившаяся форма знакового поведения, определяемая кодифицированной системой знаковых действий, служащих для выражения определенных социальных и культурных взаимоотношений, в частности для признания каких-либо ценностей, приоритетов или авторитетов, для поддержания социально-нормативной системы⁵⁸.

Описание ритуализованных форм невербального поведения и соответствующих невербальных практик удобно предварить их классификацией. Мы считаем, что дифференциальные признаки, которые разумно положить в основание такой классификации, должны характеризовать участие соматических объектов и их признаков в соответствующих формах поведения. Правильно выбранные дифференциальные признаки не только дают удобную классификацию ритуалов, но и раскрывают степень значимости и роль того или иного соматического объекта в данном ритуале. Они же выявляют меру табуированности использования в ритуале конкретного объекта (использование полностью запрещено, запрещено при тех или иных условиях и т. д.).

Ниже мы наметим контуры такой классификации и опишем ее основные блоки. По ходу изложения мы будем приводить примеры, демонстрирующие значимость разных соматических объектов для разных ритуалов, а в конце раздела приведем пример сценария (скрипта) одного невербального ритуала, свойственного русской культуре.

Сценарии невербальных ритуалов строятся с использованием метаязыка, о котором мы уже не раз говорили. Этот метаязык вполне приспособлен для сопоставления моделей коммуникативного поведения и культурных сценариев, свойственных разным ареалам и рече-

⁵⁷ См. (Hymes 1974, 54).

⁵⁸ См., в частности, определение ритуала в (БСЭ 1949–1958), более или менее повторяющееся в различных книгах и справочниках по этикету и других изданиях.

вым коллективам. Кроме того, он, как мы увидим, соотносит описание культурных сценариев с семантикой телесных знаков и ключевых концептов, свойственных русской (и не только русской) культуре. Приспособленность данного метаязыка для решения всех этих задач связана с тем, что метаязык с самого начала строился нами для описания разных соматических объектов и их признаков, а также для анализа значения и употребления имен объектов и признаков.

По ходу изложения раскрываются три важнейших свойства нашего метаязыка. Во-первых, он позволяет эксплицировать семантику и синтаксис слов и выражений, относящихся к человеческому телу. Во-вторых, на нем описываются основные модели знакового вербального и невербального поведения и отдельные невербальные ритуалы, существенно связанные с использованием тела и его составных частей. В-третьих, в силу своей семантической универсальности и синтаксической определенности метаязык (а точнее, сформулированные с его помощью единицы и модели коммуникативного поведения) позволяет сравнивать как модели поведения внутри одной культуры, так и близкие модели поведения разных культур.

В настоящем разделе книги этот метаязык используется для построения культурных сценариев невербального ритуального поведения, характерного для русской культуры.

6.2. Некоторые дифференциальные признаки ритуалов

Ритуалы можно классифицировать по разным основаниям. Наиболее распространенные классификации в сущности представляют собой ответы на содержательные вопросы, поставленные к пространственным, временным, социальным, ситуативным и другим параметрам, относящимся к ритуалу и коммуникативному поведению его участников. Можно охарактеризовать ритуал по тому, в каком месте и в какое время он происходит (ср. такие виды ритуалов, как сельские и городские ритуалы, вечерняя и утренняя молитва, старые и новые праздники), а можно говорить о том, к каким событиям ритуал приурочен (например, ко дню рождения, к свадьбе или к Пасхе), какой социальный коллектив является основным участником ритуала (ср. школьный выпускной вечер, военная присяга), является ли поведение участников ритуала жестко регламентированным или относительно свободным (ср. дипломатический прием, встреча гостя хозяевами дома).

Такие классификации определяют разного рода **частные ритуалы** – религиозные и светские, молодежные ритуалы и ритуалы, не знающие ограничений по возрасту участников; ритуалы, обозначающие принадлежность к определенной социальной группе; ритуалы, объединяющие людей некоей общей для них деятельностью (ср. масонские собрания, спортивные состязания и игры, прием в партию, посвящение в студенты); или ритуалы, придающие объекту и закрепляющие за ним знаковый или сакральный характер. Это ритуалы поклонения флагу или подъема знамени, ритуал установки памятника или обелиска, возложение цветов к могиле героя или Вечному огню и т. п. Есть ритуалы, которые подчеркивают особую значимость тех или иных объектов для повседневной жизни людей, ср. ритуалы дегустации вин или сортов чая, праздники молока, меда, хлеба, урожая, ритуализованные показы мод, выставки достижений народного хозяйства и др.

Невербальные ритуалы разумно распределять по группам в зависимости от ответов на содержательные вопросы, относящиеся к соматическим объектам. Среди них, например, вопрос «Участвует в данном невербальном ритуале тело целиком или какие-то его соматические объекты?». «**Телесный**» **невербальный ритуал** образуют, например, ритуал поклонения божеству у многих народов или ритуал приветствия у народа моси (о нем см. ниже раздел 8.5.1). Примером бытового «телесного» невербального ритуала служат некоторые упражнения утренней гимнастики, совершаемые по определенным правилам и направленные на улучшение

ние психических или физических функций человека⁵⁹. К **мануальным** невербальным действиям, определяющим ритуал ближнего приветствия, относится жест **протягивание руки**. Ритуально оформляется и спор, именуемый *пари*, – невербальный акт **держатъ пари** является мануальным действием. Во многих ритуальных ситуациях выражения почтения и смирения в храме доминантной частью тела является согнутая спина.

Во всех ритуальных ситуациях, нацеленных на подчеркивание особого статуса и социальной значимости некоего материального объекта, доминантой являются глаза. Например, глаза смотрят на знамя или флаг, когда те поднимаются вверх. Глаза участвуют и во многих военных ритуалах. Во время военного парада люди, стоящие в одной шеренге, по команде «Равняйся!» поворачивают голову в одном направлении, потому что по правилам построения шеренги каждый должен видеть грудь четвертого от него человека. Во многих социально организованных мероприятиях, таких как экскурсии, походы в театр, посещение разных мемориальных объектов и др., основная роль отводится глазам.

Доминантой в ритуальных действиях может быть один соматический объект или сразу несколько объектов; доминантой могут быть соматические объекты как одного человека, так и разных людей. Доминантой – и это очень важно – могут быть не только соматические объекты как таковые, но также их свойства, состояния, функции, положения и прочие характеристики. В приветственном рукопожатии, о котором мы говорили выше, доминантой является не просто рука, а рука, вытянутая вперед, то есть ее положение; в ситуации *пари* участвуют две сцепленные руки (форма) и третья рука, которая их *разбивает*, то есть **бьет по ним** определенным образом (действие).

Приведем примеры, когда доминантой является текстура телесных объектов, то есть характеристики их поверхности.

В советской школе существовал такой ритуал, как проверка перед уроками санитарного состояния детей в классе. С этой целью в классе вводилась некая социальная иерархия среди учащихся. Она создавалась посредством определения комплекса обязанностей: одни учащиеся – те, кто помещался на социальной лестнице выше, – должны были проверять у других чистоту рук и наличие на них цыпок, то есть контролировались разные свойства поверхности кожи. Другие («подчиненные») при этом не могли не показать руки. Первая группа учащихся называлась *санитарами*, а вторая особого именованья не имела. Введение подобной значимой социальной иерархии в среде учащихся отличает ритуал проверки их санитарного состояния от чисто целевой процедуры (или комплекса процедур), такой как, например, диспансеризация, осуществляемая профессиональными врачами. При диспансеризации никакой иерархии не создается.

Другое свойство поверхности кожи (на этот раз – лица), а именно гладкость, является доминантной в следующей процедуре. В российской армии вплоть до сегодняшнего дня перед строем, присягой или перед ритуалами награждения от военнослужащих требуется, чтобы они были гладко выбритыми, вплоть до *синевы*, и командир подразделения специально проверяет гладкость кожи на лицах.

В ряде работ, например в статье А. К. Байбурина⁶⁰, было показано, что такое свойство тела, как мягкость, тоже может быть доминантой в целом ряде ритуалов. Мягкость является отличительным признаком младенцев, причем слово *младенец* при этимологическом анализе обнаруживает связь с такими свойствами тела, как «слабость», «нежность», «мягкость»⁶¹.

⁵⁹ Так, потягивание и соответствующая поза человека часто считаются физическим отображением идеи свободы, а прижатие рук к телу и другие закрытые позы – это положения несвободы, зажатости. Ср. слова, которые могут сопровождать физические упражнения: *Представьте себе, что вы свободны, выросли* – человек потягивается. *Представьте себе, что вы маленькие, боитесь чего-то* – человек сжимается.

⁶⁰ См. (Байбурина 1996, 157–165).

⁶¹ См. (Иванов, Топоров 1984, 91).

Взросление ребенка традиционно осмыслялось как отверждение тела и души, поскольку в твердом теле составные части хорошо сформированы и хорошо функционируют⁶².

В фольклорных текстах и в описаниях ритуалов, связанных с ростом и взрослением ребенка, отмечается приобретение им определенных качеств, которые возникают не сами по себе, а как результат «совершения над телом определенных ритуальных действий»⁶³. Эти ритуальные действия имеют явно выраженный целевой характер. Ребенка туго пеленали для придания телу нужной формы. Повитуха, приняв ребенка, «правила» ему голову, сжимала ноздри, чтобы не были чересчур широкими⁶⁴. В некоторых районах России и Белоруссии новорожденного распаривали в бане, делая его тело еще более мягким, чтобы легче было придать ему нужные размер, форму, свойства поверхности, красоту и изящество. Общим для всех таких ритуальных действий было то, что они способствовали формированию тела.

С темой отверждения человека, как телесного, так ментального и психологического, связаны также обряды и ритуальные действия, непосредственно совершаемые уже не над человеком, а над некоторыми материальными нетелесными объектами. Предполагается, что последние обладают теми свойствами, которыми должен обладать человек, и в силу этого связываются с человеком. В частности, от материальных объектов требуется, чтобы они были твердыми, «такими, как будущий человек». Такая связь демонстрирует наличие иконического соотношения типа «свойство материального объекта – свойство тела». Примером одного из материальных объектов, о которых идет речь, является камень, ср. устойчивое выражение *твердый как камень*. Символическая интерпретация камня проявляется в разных ритуалах, совершаемых над маленькими детьми. Чтобы ребенок рос крепким и здоровым, перед отправлением его в церковь на крещение в избу мужчины-белорусы приносили точильный камень, на который садилась кума. Дело в том, что считалось, что мальчики рождаются на камне (а девочки, кстати, – на черепках битой посуды, тоже материальных объектах).

Из приведенных примеров видно, что в ряде невербальных ритуалов, непосредственно связанных с использованием человеческого тела, доминантным признаком являются признаки «твердость / мягкость тела» или «твердость / мягкость какого-то отдельного телесного объекта». Многие примеры говорят о твердости тела в целом, но не о твердости отдельных соматических объектов. Между тем в ряде ритуалов важна именно «твердость / мягкость» таких объектов. Так, мужское рукопожатие в норме должно совершаться твердой рукой, а в ритуалах наказания детей обычными являются шлепки по задней, мягкой части тела.

Отметим еще одно. Существует определенное семиотическое соответствие между твердостью / мягкостью соматического объекта, то есть физическим свойством, и твердостью / мягкостью характера его обладателя, то есть свойством психическим. Это соответствие проявляется в народном фольклоре, в частности в приметах. Так, жесткие волосы на голове коррелируют с признаком твердого, «железного», неуступчивого характера. Напротив, обладатель мягких волос представляется как человек мягкий, добрый, покладистый.

Рассмотрим пример современного социального ритуала, в котором важную роль играют сразу несколько телесных признаков. Речь идет о переговорах высокопоставленных лиц разных стран. Здесь телесные признаки связаны прежде всего с (а) положением тел, (б) их ориентацией, (в) визуальным поведением участников коммуникации, в частности ориентациями их взглядов, и (г) проксемым поведением. Переговоры обычно проходят за столом, где участники сидят друг напротив друга: одна делегация располагается по одну сторону стола, другая – по другую. Отчетливо выделяются лидеры, которые, согласно официальному эти-

⁶² Согласно (Славянские древности 1995–2012, т. 2, 47), мальчиков обычно не допускали к приготовлению теста – считалось, что мягким и пышным, как тесто, должно было стать тело девушек, а не юношей.

⁶³ См. (Байбурин 1996, 158).

⁶⁴ См. (Байбурин 1996, 158–159).

кету, должны сидеть один напротив другого, а слева и справа от них сидит их ближайшее окружение. Члены делегаций видят друг друга, то есть важна ориентация не только тел, но и взглядов. Между представителями одной стороны нет существенного пространственного промежутка – этим проксемым знаком (малым, почти нулевым расстоянием) подчеркивается единство и близость их установок и отношений к определенным вопросам (ср. метафоры *стоять плечом к плечу*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.